

Українській Вѣстникъ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

подъ редакціей *М. А. Славинскаго* и при ближайшемъ участіи
проф. *М. С. Грушевскаго*, проф. *Д. Н. Овсяннико-Кули-*
ковскаго и *А. А. Русова*

13-го Августа 1906 г.

МИХАЙЛО ГРУШЕВСЬКИЙ

MYKHAILO HRUSHEVSKY DIGITAL ARCHIVES

№ 12

Редакція № закончена 11 августа

Постановка вопроса объ автономіи.

Вопросъ о національно-территоріальной автономіи до сихъ поръ является вопросомъ, самая постановка котораго даже съ чисто принципіальной стороны возбуждаетъ страстное несогласіе мнѣній. Мы придаемъ чрезвычайно важное значеніе правильному обоснованію требованія національно-территоріальной автономіи, составляющей шагъ по пути къ переустройству всего государственнаго зданія на началахъ федерализма. Только при правильномъ обоснованіи этого требованія, какъ логическаго развитія демократическихъ идей и послѣдовательнаго проведенія демократическихъ принциповъ въ структурѣ государственнаго цѣлаго, невозможно будетъ фальшивое объединеніе подъ флагомъ автономныхъ идей разношерстныхъ элементовъ ни въ какомъ другомъ отношеніи между собою несогласныхъ и несоединимыхъ. Ни коимъ образомъ нельзя согласиться съ предоставленіемъ автономіи только тѣмъ народностямъ, національныя стремленія которыхъ достигли извѣстнаго напряженія. Въ требованіи автономіи мы исходимъ не изъ національныхъ чувствъ, какъ признака и трудно уловимаго, и въ высшей мѣрѣ субъективнаго, случайнаго, а изъ объективныхъ принциповъ демократизма. Нельзя, защищая право національнаго самоопредѣленія, обусловливать автономію извѣстнымъ уровнемъ національнаго самосознанія. Это толкнуло бы на путь націоналистической пропаганды, могущей имѣть самые отрицательные результаты. Желаніе самого населенія при проведеніи

мѣстной автономіи нужно знать не въ большей мѣрѣ, чѣмъ при проведеніи, напр., всеобщаго голосованія, какъ основы народнаго представительства. Никто не можетъ поручиться, каковы были бы результаты плебисцита о всеобщемъ, прямомъ, равномъ etc. голосованіи, но требованіе всеобщаго голосованія никому и въ голову не приходитъ подвергнуть плебисциту. И мы не знаемъ, что съ демократической точки зрѣнія можно возразить противъ мнѣнія проф. М. Грушевскаго о томъ, что „автономный строй... слѣдуетъ проводить не ожидая вспышекъ „національнаго инстинкта“, ни плебисцитовъ населенія“?.. Съ нашей точки зрѣнія благо „самоопредѣленія“ должно принадлежать и тѣмъ національностямъ, которыя подъ гнетомъ централизма не успѣли еще развить національнаго самосознанія и національныхъ чувствъ. Автономія и широкое демократическое самоуправленіе дадутъ, несомнѣнно, пышный расцвѣтъ національныхъ возрожденій. Полагая, что развитіе *національной* культуры вноситъ яркія и разнообразныя краски въ сокровищницу общечеловѣческаго прогресса, мы однако знаемъ, что здоровыя національныя чувства легко претерпѣваютъ и уродливое искаженіе, вырождаясь въ націонализмъ и шовинизмъ. Национальныя чувства и національное самоопредѣленіе эволюціонируютъ нормально, какъ слѣдствіе національной культуры, т.-е. какъ результатъ свободнаго развитія наукъ, искусствъ и общественно-политической жизни. Искусственно насаждаемая, пропагандируемая — національныя чувства извращаются. Автономія Украины должна направить въ нормальное русло и развитіе національнаго украинскаго самосознанія. Она между прочимъ должна парализовать и возможность шовинизма, нерѣдко наблюдаемаго въ тискахъ современнаго нездороваго и всѣмъ ненавистнаго бюрократически-централистическаго режима. Словомъ, автономія и „чисто національныя стремленія“ для насъ являются развитіемъ нашихъ демократическихъ стремленій. Допуская объединеніе подъ флагомъ автономіи различныхъ

направленій соціально-политической мысли, допуская „партийную разношерстность“, мы вовсе не измѣняемъ „демократіи“. Если въ этомъ отношеніи допустимы какія-либо требованія, то они ограничиваются однимъ—требованіемъ ревизіи программъ. Подъ знаменемъ автономіи, поднятымъ во имя демократіи, нельзя пропустить контрабанды антидемократическаго груза. Это противорѣчило-бы самой идеѣ автономіи, какъ мы ее понимаемъ. Оговоримся,—въ парламентскомъ союзѣ автономистовъ, къ сожалѣнію, это требованіе не было соблюдено, что и отразилось очень невыгодно на судьбѣ этой организациіи...

Та постановка автономнаго и національнаго вопроса, какую мы отстаиваемъ, не допускаетъ даже альтернативы, выбора --- „автономія“, или „демократія“? — ибо „автономія“ отстаивается во имя „демократіи“... Являясь завершеніемъ широко проведеннаго демократическаго мѣстнаго самоуправленія, національно-территориальная автономія, въ свою очередь основанная на демократическомъ фундаментѣ всеобщаго голосованія, исключить всякую возможность опереться въ борьбѣ за классовое господство на какія-либо преимущества, даваемая новымъ государственнымъ строемъ соціально сильному. Всѣ преимущества будутъ на сторонѣ соціально угнетенныхъ трудящихся массъ. Соціально-политическій прогрессъ и культурное творчество будутъ освобождены отъ осложненій, создаваемыхъ борьбой національныхъ страстей и предразсудковъ. Ядовитые цвѣты шовинизма не произрастутъ на почвѣ свободнаго развитія всѣхъ культурныхъ, духовныхъ потребностей народовъ, населяющихъ имперію.

Отстаиваемая нами демократическая постановка вопроса объ автономіи, кромѣ своего принципіальнаго значенія, важна еще и въ отношеніи тѣхъ тактическихъ выводовъ, къ которымъ она приводитъ въ текущей все болѣе и болѣе осложняющійся политической моментъ. Совершенно ясно, что условія,

при которыхъ требованіе автономіи можетъ быть реализовано, сводятся къ моменту торжества демократическихъ принциповъ въ государственномъ устройствѣ. Въ разрѣшеніи переживаемой исторической драмы въ направленіи побѣды народовластія надъ бюрократическимъ всевластіемъ, все еще именуемымъ самодержавіемъ, нѣтъ никакихъ реальныхъ возможностей для всего того, что порождено духомъ демократіи. Съ этой точки зрѣнія устанавливается и надлежащее въ тактическомъ отношеніи мѣсто автономныхъ притязаній среди очередныхъ задачъ борющейся демократіи. Это мѣсто далеко отъ откладыванія вопроса объ автономіи—„на другой день“, но оно въ равной мѣрѣ не допускаетъ и безтактнаго извращенія надлежащей перспективы подчиненіемъ всякаго очереднаго вопроса—выдвигаемому на первый планъ требованію автономіи. Организациія—подобная союзу автономистовъ, тѣмъ и важна, что ей, какъ коллективному представителю національныхъ стремленій, легче всего установить направляющую директиву въ политической атмосферѣ каждаго соотвѣтствующаго момента для національныхъ парламентскихъ группъ и ихъ отношеній къ большимъ парламентскимъ партіямъ, организованнымъ на общности социальнополитическихъ задачъ.

Мих. Могилянскій.

Крестьянскій банкъ и земельная реформа.

Въ предыдущей статьѣ *) о результатахъ дѣятельности крестьянскаго банка за 22-хъ лѣтній періодъ (1883—1904 гг.) мы въ краткихъ чертахъ упомянули о тѣхъ новыхъ операціяхъ, которыя банкъ производитъ въ послѣднее время по покупкѣ за свой счетъ частновладѣльческихъ земель, затрачивая уже и предполагая затратить на это дѣло сотни милліоновъ рублей. Указавъ на неизбѣжность грозящихъ народнымъ средствамъ громадныхъ убытковъ, связанныхъ съ этими операціями, мы пришли къ выводу о необходимости изданія закона, которымъ дѣятельность банка по покупкѣ земель была бы прекращена.

Но въ это время еще работала Государственная Дума, въ ея комиссіяхъ по аграрному вопросу создавался законъ о земельной реформѣ, въ основаніе котораго легли широкіе проекты думскихъ партій, и роль крестьянскаго банка, какъ учрежденія, могущаго затормозить проведеніе въ жизнь земельного закона, признавалась вредною и думскими дѣятелями.

Сейчасъ Думы нѣтъ. Рѣчи депутатовъ, полныя истинной любви къ народу, полныя глубокаго знанія насущныхъ его нуждъ, рѣчи, которыя должны были немедленно обратиться въ живое дѣло устройства народной жизни, смолкли, а труды многочисленныхъ комиссій сданы въ министерскіе архивы. Правительство вновь одно, вновь со своими старыми пріемами и проектами, со своими старыми, затхлыми учрежденіями, при помощи которыхъ оно еще разъ будетъ пробовать удовлетворить всѣ назрѣвшія нужды Россіи. Самую острую изъ этихъ народныхъ нуждъ—земельную—прави-

*) См. № 8 „Укр. Вѣст.“.

тельство будетъ разрѣшать при помощи все того же крестьянскаго банка и такъ называемыхъ землеустроительныхъ комиссій, которыя должны работать рука объ руку съ банкомъ.

Приходится вновь вернуться къ этому учрежденію и постараться выяснить размѣры его задачи и способы ея осуществленія при участіи названныхъ выше комиссій.

Одновременно съ изданіемъ манифеста 3-го ноября 1905 года о земельномъ устройствѣ крестьянъ министерство Витте обратилось за помощью къ земствамъ, „прося ихъ организовать изъ мѣстныхъ земскихъ дѣятелей и лицъ изъ крестьянскаго населенія особая комиссія для оказанія возможнаго содѣйствія крестьянскому банку въ планомѣрности дѣйствій по покупкѣ земель за счетъ банка и по приобрѣтенію земель крестьянами“ *). Однако надежды тогдашняго правительства на сочувственное къ нему отношеніе земствъ не оправдались: большинство земскихъ собраній отказалось помогать г-ну Витте, и послѣднему пришлось официально признать свою неудачу съ привлеченіемъ общественныхъ силъ къ совмѣстной работѣ съ бюрократическими органами. На дняхъ произошелъ такой же случай съ приглашеніемъ общественныхъ дѣятелей въ министерство г. Столыпина. Послѣ роспуска Думы нынѣшнее правительство вновь, но уже помимо земствъ, стало усиленно организовать тѣ же землеустроительныя комиссіи по излюбленному бюрократіей типу—изъ чиновниковъ и представителей отъ землевладѣльцевъ и крестьянъ. Успѣхъ этого новаго плана оказался также весьма сомнительнымъ. Съ одной стороны, крестьяне во многихъ мѣстностяхъ цѣлыми волостями отказываются отъ участія въ комиссіяхъ и таковыя не образуются. Съ другой стороны, многіе землевладѣльцы, имѣя въ виду личныя цѣли наиболѣе выгоднаго сбыта своихъ земель крестьянскому банку, понимаютъ значеніе этихъ комиссій слишкомъ узко и охотно помогаютъ банку, черезъ своихъ представителей, лишь въ установленіи безобидныхъ для себя продажныхъ цѣнъ. Если прибавить къ этому, что во главѣ названныхъ комиссій стоятъ въ большинствѣ случаевъ, за отказомъ земствъ, предводители дворянства, и что среди крестьянъ, привлеченныхъ въ члены при содѣй-

*) „Правит. Вѣстн.“ 16 ноября 1905 г. № 247.

ствіи мѣстныхъ властей, всегда найдутся готовые исполнять извѣстный завѣтъ „слушаться своихъ предводителей дворянства“, то фізіономія уже дѣйствующихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ комиссіи станетъ совершенно ясна.

Если же, кромѣ того, мы напомнимъ, что эти мѣстные представительные органы приглашены лишь для содѣйствія крестьянскому банку въ дѣлѣ устройства крестьянъ, т.-е. въ качествѣ органовъ совѣщательныхъ, то мы поймемъ, что весь этотъ планъ съ землеустроительными комиссіями созданъ только какъ внѣшній декорумъ для чисто бюрократическаго учрежденія крестьянскаго банка, который, такимъ образомъ, является единственнымъ вершителемъ судьбы большого вопроса о „землѣ“.

Каковы же способы и средства для выполненія возложенной на крестьянскій банкъ громадной задачи?

Прежде всего надо отмѣтить, что земельный вопросъ есть, въ значительной мѣрѣ, вопросъ чисто финансовый, и въ этомъ отношеніи онъ разрѣшается законами 21 марта и 26 апрѣля 1906 года.

Согласно названнымъ законамъ, продажныя цѣны за земли, купленныя банкомъ за свой счетъ или крестьянами—при содѣйствіи банка, выплачиваются продавцамъ, вмѣсто наличныхъ денегъ, какъ это дѣлалось раньше, 5% свидѣтельствами банка, или же, взамѣнъ свидѣтельствъ, выдаются именныя 6% обязательства банка, по которымъ уплата капитала начнется черезъ 5 лѣтъ и будетъ производиться въ послѣдующій затѣмъ 10-тилѣтній періодъ. Ипотечные долги частнымъ земельнымъ банкамъ, лежащіе на купленныхъ земляхъ, не погашаются а перечисляются полностью, на крестьянскій банкъ.

Такимъ образомъ, при продажѣ банку земель продавецъ получаетъ вмѣсто денегъ или процентныя бумаги, которыя онъ долженъ продавать на биржѣ и частнымъ лицамъ или же обязательства банка, которыя онъ будетъ хранить у себя, выжидая 15 лѣтъ уплаты капитала. Долги же, которые сдѣланы были продавцами частнымъ банкамъ, крестьянскій банкъ принимаетъ на себя и, какъ обыкновенный, рядовой заемщикъ этихъ банковъ, будетъ выплачивать имъ срочные платежи въ теченіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ.

Изложенная здѣсь система расчетовъ за земли показываетъ прежде всего крайне тягостное положеніе, въ кото-

ромъ находится правительство, взявшееся за осуществленіе финансовой операціи. Настолько плохи денежныя дѣла управляемой имъ страны, что за покупаемая казною земли, ему приходится не только отсрочивать платежи на 10—15 лѣтъ, платя за это 6⁰/₁₀ роста, но даже становиться на многіе годы въ положеніе заемщика акціонерныхъ банковъ, выплачивая имъ грошами свои долги въ теченіе 50—60 лѣтъ, оплачивая при этомъ расходы на ихъ содержаніе и создавая имъ прибыли.

Однако тяжесть обязательствъ, которую правительство возлагаетъ на государственные бюджеты ближайшаго и отдаленнаго будущаго въ видѣ ежегодныхъ платежей высокиихъ процентовъ по долгамъ, представляется относительно ничтожной. Громадный ущербъ народнымъ средствамъ грозитъ съ другой стороны. Дѣло въ томъ, что русскій государственный кредитъ, какъ внѣ страны, такъ и внутри ея, расшатанъ въ корнѣ. Русскія бумажныя цѣнности потеряли болѣе четверти своей стоимости, и потому всякая новая государственная бумага находитъ сбытъ лишь съ большими потерями въ капиталѣ. Поэтому и 5⁰/₁₀ банковскія свидѣтельства, получаемыя продавцами за земли, учитываются на биржѣ съ убыткомъ отъ 25 до 30 руб. на 100 (курсъ послѣднихъ дней 71—74). Владѣльцы земель, зная, что имъ, вмѣсто сотни рублей, которую они спросятъ за землю, придется получить 72—75 рублей, принимаютъ въ расчетъ эту потерю и, желая взять за десятину земли 100 руб. наличными деньгами, требуютъ у банка 130—140 рублей. И крестьянскій банкъ, который во что бы то ни стало долженъ скупить возможно больше земель, даетъ эти цѣны, поднятыя лишь благодаря плохому состоянію денежнаго рынка, и этотъ излишекъ сверхъ возможныхъ продажныхъ земельныхъ цѣнъ отнесетъ на общегосударственныя средства, какъ о томъ уже извѣщало „правительственное“ сообщеніе.

Къ этому выводу приводятъ официальные данныя о дѣятельности крестьянскаго банка.

Если обратиться къ годовымъ его отчетамъ, то мы усмотримъ въ нихъ, что тѣ продажныя земельныя цѣны, которыя всѣми признаются крайне преувеличенными, явились результатомъ возраставшихъ изъ года въ годъ земельныхъ банковскихъ оцѣнокъ. Начиная съ 1897 года, эти оцѣнки растутъ съ каждымъ годомъ, достигнувъ въ 1899 году 72 руб., въ

1902 году 93 руб. и въ 1904 году 95 руб. за десятину въ среднемъ по всѣмъ сдѣлкамъ банка.

Между тѣмъ помѣщенная въ газетахъ официальная справка о „сдѣлкахъ крестьянскаго поземельнаго банка“ по 22 юля 1906 года говоритъ, что „съ того момента, какъ на крестьянскій банкъ возложено *смягчить аграрный вопросъ*, т.-е. съ 3 ноября 1905 г., имъ разрѣшено 1.129 сдѣлокъ на 1.629.792 десятины на сумму 207.016.068 руб.“, т.-е. въ среднемъ по 127 руб. за дес., или на 36—37% выше и безъ того высокихъ оцѣнокъ предшествующихъ лѣтъ 1902—1904 г. То же самое наблюдается и по отдѣльнымъ губерніямъ, такъ по Полтавской губ. при оцѣнкахъ въ 176—172—196 руб. въ 1902—1904 г. г. *) банкъ сейчасъ покупаетъ земли въ среднемъ по 220 руб., а послѣднія 1.166 дес. (см. справку по 29 юля с. г.) приторгованы имъ по 240 р.; въ Херсонской губ. оцѣнки 1902—1904 гг. достигаютъ 124, 131 и 165 руб., а въ 190⁰/₆ годахъ приторговано банкомъ около 50 тыс. дес., въ среднемъ по 181 руб. за дес.; по Волынской губ. оцѣнки 190³/₄ г. г. 98, 97, 107 руб., покупная цѣны 150 руб. и т. д. Извѣстный въ исторіи банка графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ продавшій свое имѣніе съ лѣсомъ, постройками и богатымъ инвентаремъ по высокой цѣнѣ—83 руб. за дес., нынѣ продаетъ въ той же (саратовской) губ. 12 тыс. дес. уже по 125 руб. за дес., т.-е. на 50% дороже (средн. оцѣнка за 1904 г.—91 руб.).

Если предположить, что приторгованныя имѣнія, всѣ до одного, покупаются банкомъ съ богатѣйшимъ инвентаремъ и постройками и сбросить на стоимость этого имущества 10% съ покупной цѣны, то мы получимъ, что банкъ только на одну землю поднялъ въ нынѣшнемъ году цѣны болѣе чѣмъ на 25% по сравненію съ предшествующими годами, и объясняется это ни чѣмъ инымъ, какъ только низкимъ курсомъ процентныхъ его бумагъ. Переведа это на деньги, мы должны сказать, что въ числѣ 207 милл. рублей, которые банкъ частью заплатилъ, частью предполагаетъ еще заплатить за приторгованныя 1.600 тыс. дес., заключается болѣе 50 милл. рублей излишней затраты. Эти миллионы придется выплачивать изъ народныхъ средствъ только за то, что правительство не во время и неумѣло взялось за

*) Отчетъ к. п. банка за 1904 г.

финансовую операцію, при полномъ разстройствѣ государственнаго хозяйства, при полномъ отсутствіи кредита и нравственнаго и денежнаго какъ внѣ, такъ и внутри страны.

Если правительство не остановится въ этой безумной тратѣ народныхъ денегъ и будетъ продолжать осуществлять земельную реформу за свой страхъ, это можетъ кончиться полнымъ раззореніемъ страны.

Покупка 43 милл. дес. земли, годной (по вычисленіямъ г. Гурко) для обработки, обойдется при показанныхъ выше цѣнахъ въ $5\frac{1}{2}$ милліардовъ рублей, причемъ, не говоря уже объ общей преувеличенности банковскихъ оцѣнокъ, только на одномъ курсѣ страна потеряетъ $1\frac{1}{2}$ милліарда рублей, которые попадутъ въ цѣпкія руки капиталистовъ и биржевыхъ спекулянтовъ.

Но едва ли суждено правительству осуществить въ столь широкихъ размѣрахъ эту финансовую операцію. Какъ ни торопится крестьянскій банкъ, однако за 9 мѣсяцевъ (ноябрь—іюль) имъ разсмотрѣно лишь 1.129 сдѣлокъ, а закончена (т.-е. совершены купчія) едва ли и одна четвертая часть этого количества. Для принятія въ свое владѣніе одного—двухъ милліоновъ десятинъ банку нужно не менѣе 2-хъ лѣтъ, а до новой Думы осталось всего 7 мѣсяцевъ.

Кромѣ того, когда на биржу будутъ выкидываться все новые и новые милліоны рублей свидѣтельствъ крестьянскаго банка, ихъ курсъ будетъ падать все ниже и ниже и, увлекая за собой другія цѣнности, упадетъ до такого минимума, что сдѣлки осуществляться не будутъ.

Затѣмъ надлежитъ поставить и опредѣленно рѣшить вопросъ о томъ, какъ надлежитъ смотрѣть на выпуски 5⁰/₁₀₀ свидѣтельствъ и 6⁰/₁₀₀ обязательствъ банка. Правительство, частью выпуская эти бумаги въ народное обращеніе (5⁰/₁₀₀ свидѣтельства), частью изготовляя ихъ въ тайникахъ канцелярій для выдачи продавцамъ земель (6⁰/₁₀₀ обязательствъ), совершаетъ заемъ для проведенія земельной реформы или для „смягченія аграрнаго вопроса“, какъ въ своемъ сообщеніи осторожно выражается крестьянскій банкъ. Не имѣя никакихъ шансовъ для устройства внѣшняго займа, правительство размѣщаетъ свои обязательства внутри страны. И тѣмъ самымъ создаетъ новый государственный долгъ, совершая внутренній заемъ.

Вотъ суть финансовой стороны операціи покупки земель крестьянскимъ банкомъ.

Что касается вопроса о распродажѣ крестьянамъ покупаемыхъ для нихъ земель, то въ этомъ отношеніи трудно сказать что-нибудь опредѣленное. Извѣстно лишь, что крестьяне не склонны приобрѣтать эти земли; сдѣлокъ по продажѣ или совсѣмъ нѣтъ или ихъ черезъ-чуръ мало; по крайней мѣрѣ банкъ въ своихъ сообщеніяхъ уклоняется отъ дачи свѣдѣній по этому вопросу, между тѣмъ, въ виду извѣстныхъ фактовъ объ отказахъ крестьянъ, банку гораздо важнѣе давать свѣдѣнія о продажахъ, чѣмъ о покупкахъ.

Вообще съ дѣломъ распродажи земель банку, повидимому, предстоитъ еще больше затрудненій, чѣмъ съ покупкой и, такимъ образомъ, новая Дума, если она соберется, вѣроятно, встрѣтитъ положеніе земельного вопроса въ томъ же видѣ, въ какомъ его застала старая Дума; только финансовыя дѣла многострадальнаго народа окажутся, благодаря стараніямъ правительства что-нибудь сдѣлать въ вопросѣ о землѣ, еще болѣе запутанными....

А. Б.

Что такое національность.

VII.

Национальные языки.

Переходя къ вопросу о національныхъ языкахъ, мы должны сперва устранить два широко распространенныя недоразумѣнія. Одно изъ нихъ состоитъ въ смѣшеніи понятія о *національномъ* языкѣ съ понятіемъ о языкѣ *государственно-мъ*. Въ средніе вѣка и позже государственнымъ языкомъ Франціи, Германіи, Англіи, Италіи и въ другихъ странахъ служила мертвая латынь, но ни въ одной изъ этихъ странъ она не была и не могла быть языкомъ національнымъ. Въ настоящее время повсюду въ цивилизованномъ мірѣ государственнымъ языками являются языки національные (англійскій—въ Англіи, французскій—во Франціи и т. д.), но изъ этого не слѣдуетъ, что только эти — государственные — языки должны считаться національными, и что, разъ какой-нибудь языкъ не имѣетъ государственнаго значенія, онъ теряетъ и свои національныя права. Польскій и украинскій языки, не имѣя государственнаго значенія, глубоко національны. Французскій, итальянскій, англійскій уже были языками національными, т.-е. органами національнаго развитія и самосознанія, прежде чѣмъ получили государственное значеніе. Вообще можно сказать, что для юридическихъ, въ томъ числѣ и государственныхъ, отношеній, какъ и для всѣхъ дѣловыхъ, напр. коммерческихъ, *національный языкъ, какъ таковой*, не нуженъ. Лингвистическимъ органомъ государственныхъ функцій худо-ли, хорошо ли могли служить мертвая латынь, мертвый церковно-славян-

ский, искусственный пехлеви, санскритъ *) и т. д. Национальный языкъ въ государственной роли обыкновенно обезцвѣчивается и теряетъ свой национальный отпечатокъ. Для суда и мѣстнаго самоуправления важны не государственные языки, часто непонятные массѣ, а мѣстныя нарѣчія, какъ тѣ, которыя получили литературную обработку, такъ и тѣ, которыя не имѣютъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что въ будущемъ, когда мѣстное самоуправленіе и автономія достигнутъ наибольшаго развитія, участіе государственныхъ, а также и национальныхъ языковъ въ отправленіи юридическихъ функций будетъ очень ограничено: ихъ замѣнятъ мѣстныя *разговорныя* нарѣчія. Что же касается языка *государственнаго* въ тѣсномъ смыслѣ, какъ органа и символа государственнаго единства, то въ разныхъ странахъ и въ разныя эпохи, по волѣ историческихъ судебъ, въ этой роли выступали и будутъ выступать всевозможные языки—национальные и ненациональные, живые и мертвые, разговорные и „искусственные“ **). Можно сказать даже, что всякій государственный языкъ имѣетъ тенденцію становиться „искусственнымъ“ и превращаться въ родъ условнаго „жаргона“ или „воляпюка“, на которомъ невозможно никакое национальное творчество.

Другое недоразумѣніе, которое нужно устранить, касается отношеній національнаго языка къ другимъ, ему лингвистически-родственнымъ языкамъ и нарѣчьямъ, не получившимъ національнаго значенія. Широкая публика обыкновенно думаетъ, что национальный языкъ (напр. нашъ русский литературный, таковой-же нѣмецкій, итальянскій и т. д.) есть какъ бы „родоначальникъ“ и „глава“ всѣхъ прочихъ, ему ближайше-родственныхъ, нарѣчій и даже языковъ. Это—глубокое заблужденіе, давно опровергнутое наукою. А между

*) *Пехлеви*—средневѣковой персидскій съ большой примѣсью семитическихъ (арамейскихъ) словъ и даже формъ—былъ государственнымъ языкомъ въ царствѣ Сасанидовъ. Онъ служилъ и книжнымъ языкомъ (переводъ и комментарий Авесты и нѣк. друг. произведенія)—*Санскритъ*, мертвый задолго до Р. Х., доселѣ остается въ Индіи литературнымъ языкомъ, а въ прежнее время былъ и государственнымъ въ различныхъ государствахъ Индіи.

***) Образчикомъ „искусственнаго“ языка, пригоднаго для государственныхъ функций, но не способнаго быть органомъ національнаго творчества, можетъ служить нашъ позднѣйшій церковно-славянскій въ Московской Руси (въ XV—XVII вв.).

тѣмъ оно все еще держится и даже нерѣдко является источникомъ ложной и крайне вредной постановки вопросовъ національной политики, въ особенности же вопроса о роли мѣстныхъ языковъ и нарѣчій въ общей культурѣ страны.

Бросимъ бѣглый взглядъ на самый процессъ возникновения и распространения национальныхъ языковъ.

Национальный языкъ есть не больше, какъ одно изъ мѣстныхъ нарѣчій, отличающееся отъ другихъ только тѣмъ, что, благодаря школѣ и просвѣщенію, оно получило литературную обработку, сдѣлалось языкомъ интеллигенции и вмѣстѣ съ этою послѣднею распространилось далеко за предѣлами той этнической группы, для которой оно является или было прежде мѣстнымъ разговорнымъ языкомъ. У древнихъ грековъ ихъ національный (т.-е. общій литературный) языкъ, который они называли „общимъ діалектомъ“, образовался изъ аеинскаго нарѣчія, получившаго литературную обработку въ произведеніяхъ аттическихъ писателей, поэтовъ, мыслителей и ораторовъ и вскорѣ распространившася далеко за предѣлами Аттики, по всему античному міру и потомъ также среди иноплеменныхъ народовъ—въ Малой Азіи, Сирии, Палестинѣ, Египтѣ. Во всемірной Римской имперіи этотъ „общій греческій діалектъ“ выдерживалъ, какъ языкъ національный, конкуренцію съ другимъ національнымъ языкомъ античной древности—латинскимъ. Въ большей мѣрѣ, чѣмъ этотъ послѣдній, онъ служилъ органомъ распространения христіанства. Наконецъ, онъ упрочивается въ Византіи, гдѣ и является языкомъ государства, церкви, литературы и самой жизни. Такимъ образомъ, въ теченіе долгихъ вѣковъ это былъ *языкъ высшей культуры*, какую создалъ античный міръ и унаслѣдовала христіанская Византія,—это былъ *языкъ интеллигенции*, вербовавшейся изъ различныхъ племенъ и народовъ, вошедшихъ въ составъ всемірной имперіи Римлянъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, процессъ его развитія и распространения, а равно и его послѣдующая судьба даютъ возможность наблюдателю распознавать настоящую природу и истинное призваніе національнаго языка съ большею отчетливостью, чѣмъ это обыкновенно дѣлается по указаніямъ исторіи другихъ национальныхъ языковъ. У грековъ распространеніе ихъ „общаго діалекта“ не приводило къ отрицанію другихъ, не мѣшало ихъ литературной обработкѣ. Про-

изведенія, написанныя на другихъ нарѣчіяхъ, легко пріобрѣтали, если того заслуживали, общеэллинское значеніе и пользовались въ литературѣ, такъ сказать, всѣми правами гражданства. Не говоря уже о поэмахъ Гомера, достаточно вспомнить Саффо, Геродота, Пиндара, Θεокрита и т. д. Такой ходъ вещей нужно признать самымъ правильнымъ: общій—національный—языкъ не долженъ препятствовать развитію и литературной обработкѣ другихъ языковъ и нарѣчій. Если ихъ развитіе и обработка совершаются безпрепятственно, то этимъ открывается возможность возникновенія, вмѣсто одного, нѣсколькихъ или многихъ очаговъ національнаго творчества. При этомъ „общій языкъ“, оставаясь однимъ изъ этихъ очаговъ, служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ орудіемъ общенія между ними. Это и есть правильное, здоровое развитіе національностей и національнаго творчества. Къ этому вопросу мы вернемся ниже, а сейчасъ упомянемъ о дальнѣйшей судьбѣ „общаго діалекта“ древней Эллады. Отъ него прямымъ путемъ возникли *почти всѣ народныя новогреческія нарѣчія* *), а также и современный литературный греческій языкъ, при чемъ этотъ послѣдній сложился подъ сильнымъ искусственнымъ (книжнымъ) вліяніемъ древняго (приблизительно такъ, какъ русскій литературный испыталъ значительное книжное вліяніе церковно-славянскаго, французскій—латинскаго и т. д.). Это діалектическое развитіе дневнегреческаго литературнаго языка, который былъ лишь однимъ изъ діалектовъ, и исчезновеніе почти безъ остатка всѣхъ старыхъ нарѣчій показываютъ, что въ извѣстную эпоху литературный языкъ распространился повсюду въ широкихъ кругахъ населенія и прежнее діалектическое разнообразіе, казалось, смѣнилось единствомъ греческой рѣчи. Но это единство было лишь кажущимся, обманчивымъ. Это было началомъ новаго діалекческаго развитія. Національный литературный языкъ, если только онъ становится разговорнымъ языкомъ этнографически различныхъ частей населенія, съ теченіемъ времени распадется на говоры (по мѣстностямъ), а изъ этихъ говоровъ возникнутъ новыя нарѣчія, изъ которыхъ то или другое можетъ получить литературную обработку и стать національнымъ.

*) За изытіемъ, если не ошибаюсь, одного („законскаго“ въ Пелопонесѣ, восходящаго къ древнему лаконскому).

Если нашъ общерусскій литературный языкъ надолго упрочится и распространится по всей Россіи, какъ разговорный языкъ широкихъ и глубокихъ слоевъ населенія, то онъ несомнѣнно распадется на говоры, изъ которыхъ возникнутъ новыя нарѣчія, а его современная литературная форма станетъ языкомъ мертвымъ и рано или поздно будетъ вытѣснена однимъ изъ новыхъ нарѣчій. Нашъ современный общерусскій литературный языкъ принадлежитъ къ числу наиболѣе юныхъ языковъ: онъ сталъ возникать всего два вѣка тому назадъ изъ одного изъ многочисленныхъ великорусскихъ нарѣчій, именно изъ московскаго. Ставъ языкомъ государственнымъ, онъ быстро распространился по всей имперіи, воспринялъ множество чуждыхъ московскому нарѣчію элементовъ изъ другихъ русскихъ нарѣчій и языковъ, а также массу иностранныхъ словъ, и въ своемъ настоящемъ видѣ не имѣетъ уже права называться „московскимъ“, подобно тому какъ у грековъ ихъ „общій діалектъ“, распространившись литературнымъ путемъ по всей Элладѣ и въ другихъ странахъ, пересталъ быть „аѳинскимъ“ въ собственномъ смыслѣ. Но, въ противоположность тому, что было въ древней Греціи, нашъ „общій діалектъ“ распространяется не только „естественнымъ“, чисто культурнымъ путемъ, но и насильственно, при содѣйствіи мѣропріятій, имѣвшихъ цѣлью подавить развитіе мѣстныхъ языковъ и нарѣчій. Эта „лингвистическая“ политика, давно осужденная общественнымъ мнѣніемъ всей передовой и просвѣщенной Россіи, есть одинъ изъ худшихъ видовъ деспотизма, до котораго не доходили даже варварскія деспотіи Востока, и противорѣчить не только элементарнымъ требованіямъ гуманности и справедливости, но и здравому смыслу. Въ освобождающейся и возрождающейся Россіи она, въ первую же очередь, подлежитъ безповоротной отмѣнѣ разъ навсегда. Отъ этой отмѣны общерусскій литературный языкъ только выиграетъ въ своемъ культурномъ значеніи и достоинствѣ.

Какъ извѣстно, не взирая на всѣ запреты и стѣсненія, подавленныя національности и мѣстныя литературы въ Россіи продолжали развиваться. Если какая-либо этническая разновидность имѣетъ достаточно внутреннихъ силъ для развитія, если она, такъ сказать, обладаетъ психологическою возможностью превратиться въ новый очагъ національнаго творчества, то рано или поздно, прямымъ ли и свѣтлымъ пу-

темъ свободы, или окольными дорогами стѣсненнаго, болѣзненнаго развитія, она все-таки достигнетъ національнаго самоопредѣленія и творчества. Родной языкъ, естественный органъ мысли человѣка, есть неотъемлемое, неотчуждаемое благо. Когда онъ по тѣмъ или инымъ причинамъ утрачивается, — онъ все равно замѣняется другимъ языкомъ, который, ставъ для человѣка роднымъ, „своимъ“, получить новую жизнь и развитіе, которое извѣстно подъ именемъ „діалектическаго“: рѣчь, замѣнившая прежнюю, станетъ говоромъ, потомъ мѣстнымъ нарѣчіемъ, которое при благоприятныхъ условіяхъ легко можетъ получить литературную обработку и стать для извѣстнаго края языкомъ національнымъ.

Этотъ естественный процессъ дифференціаціи языковъ и роста національностей хорошо прослѣживается на примѣрѣ романскихъ языковъ и націй.

Государственный и литературный языкъ римлянъ, классическій латинскій, въ противоположность „общему греческому діалекту“, хотя и распространился по всей имперіи и за ея предѣлами, однако не упрочился въ живой, разговорной рѣчи широкихъ круговъ населенія. Классическая латынь *умирала заживо* уже въ эпоху Горация, Овидія, Вергилія. Это былъ языкъ высшихъ классовъ, образованнаго общества, — другіе слои разнообразнаго населенія имперіи и народныя массы въ Италіи и въ романизованныхъ провинціяхъ (Испанія, Галлія) говорили на другихъ языкахъ и нарѣчіяхъ, въ томъ числѣ и такихъ, которыя состояли въ ближайшемъ родствѣ съ классической латынью. Послѣдняя, какъ переставшая быть разговорнымъ, живымъ языкомъ широкихъ слоевъ населенія, превратилась въ искусственный языкъ литературный и государственный, обезплодилось и, въ противоположность общему греческому языку, не оставила послѣ себя потомства, ибо всѣ новые романскіе языки образовались не изъ классической латыни, а изъ тѣхъ мѣстныхъ нарѣчій, на которыхъ говорили римскіе колонисты въ Галліи, Испаніи, на Дунаѣ, а также изъ латинскихъ діалектовъ, развившихся въ различныхъ областяхъ Италіи. Такъ образовались новыя нарѣчія Италіи, южной и сѣверной Франціи, Испаніи и т. д. Нѣкоторыя изъ нихъ уже въ средніе вѣка получили литературную обработку и стали органами національнаго творчества (провансальскій и сѣверный французскій). Съ XIII-го и XIV-го вѣковъ выдвигается тосканское нарѣчіе итальян-

скаго (Дантъ, Петрарка, Бокаччіо), которое вскорѣ получаетъ значеніе обще-итальянскаго литературнаго языка. Въ настоящее время онъ является и государственнымъ языкомъ Италіи, гдѣ рядомъ съ нимъ существуютъ многочисленныя мѣстныя нарѣчія, отличающіяся столь сильнымъ діалектическимъ развитіемъ, что можно предвидѣть въ будущемъ возникновеніе въ Италіи новыхъ національных — мѣстныхъ—языковъ.

Нѣкоторыя изъ нарѣчій могутъ получить литературную обработку и въ Германіи, гдѣ уже давно дѣлаются опыты этого рода. Возможно, впрочемъ, что эти нарѣчія со временемъ исчезнутъ, и ихъ замѣнитъ общенѣмецкій литературный языкъ, образовавшійся въ XVI-мъ вѣкѣ изъ *нововѣрхненнѣмецкаго* нарѣчія. Но въ такомъ случаѣ, т.-е. если этотъ литературный языкъ станетъ разговорнымъ языкомъ народныхъ массъ, раньше или позже, онъ подвергнется неизбѣжному процессу дифференціаціи, діалектическаго развитія,—изъ него возникнутъ новыя нарѣчія, какъ это случилось въ Греціи.

Вообще, если присмотрѣться ближе къ этимъ процессамъ созданія и распространенія національных, „литературныхъ“ языковъ, то не трудно подмѣтить признаки начинающейся дифференціаціи ихъ по мѣстностямъ. Но это—процессъ болѣе или менѣе долгій, затяжной. Онъ тормозится присущею всѣмъ литературнымъ языкамъ лингвистическою консервативностью, обусловленною тѣмъ, что литературные языки возникаютъ, такъ сказать, „книжнымъ путемъ“ и всегда находятся подъ сильнымъ вліяніемъ старыхъ языковъ и литературъ.—*Прогрессъ національнаго литературнаго языка сводится къ его сближенію съ разговорною рѣчью. А такъ какъ эта рѣчь по необходимости діалектически дифференцирована, то прогрессъ литературнаго языка прямымъ путемъ ведетъ къ его дифференціаціи.* Вотъ именно на этомъ-то пути и совершается прежде всего то, что можно назвать „націонализированіемъ“ книжнаго языка. Онъ становится органомъ опредѣленной національности, уже прояснившейся, и—при наличности благоприятныхъ обстоятельствъ—содѣйствуетъ проясненію другихъ національностей. Это можно прослѣдить у насъ, въ Россіи. Нашъ старый книжный языкъ XVII-го и XVIII-го вв., представлявшій собою уродливую смѣсь элементовъ русскихъ (великорусскихъ

и частью малорусских) съ церковно-славянскими, въ XIX-мъ в. сближается съ разговорною великорусскою рѣчью, *націоналізується*, и только въ этомъ новомъ видѣ онъ и получаетъ возможность стать органомъ національнаго творчества. Появленіе (съ XVIII-го в.) новой украинской литературы было другимъ актомъ все той-же націонализаціи литературнаго языка, только въ другомъ направленіи. Въ настоящее время мы имѣемъ въ Россіи двѣ ярко выраженный, „*прояснившіяся*“ національности—*великорусскую* и *украинскую* и, соотвѣтственно, два національныхъ литературныхъ языка, при чемъ одинъ изъ нихъ, именно *великорусскій*, по извѣстнымъ историческимъ причинамъ, получилъ *общерусское значеніе* и сталъ языкомъ *общерусскимъ*—какъ разъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ у древнихъ грековъ аѳинское нарѣчіе сдѣлалось „общимъ діалектомъ“, у итальянцевъ—тосканское и т. д.

Этотъ *общерусскій языкъ*, какъ и всѣ такого рода „общіе“ національно-литературные языки, распространяющіеся далеко за предѣлами соотвѣтствующей имъ этнической группы, является органомъ интеллигенціи, вербующейся изъ всѣхъ племенъ и народовъ имперіи. Имъ пользуются, какъ органомъ своей мысли, и великоруссы, и украинцы, и бѣлоруссы, и евреи, и армяне и т. д. *На этой почвѣ—общаго культурнаго языка образовалась новая, смѣшанная національность, которую можно назвать „общерусскою“.* Это—случай не только не единственный, но, напротивъ, повторяющійся вездѣ, гдѣ возникаетъ и распространяется общій литературный языкъ, который становится привычнымъ органомъ образованныхъ классовъ. При разноплеменномъ составѣ населенія общій языкъ объединяетъ въ одну группу представителей различныхъ племенъ. Такъ, въ концѣ античной эпохи, несомнѣнно, существовала „общегреческая“ національность, представителями которой являлись всѣ тѣ, для которыхъ привычнымъ органомъ мысли служилъ „общій греческій діалектъ“. Въ ихъ рядахъ, кромѣ грековъ, мы находимъ македонцевъ, евреевъ, сирійцевъ, иранцевъ, уроженцевъ Малой Азіи и т. д.—Въ наше время существуетъ „*общая нѣмецкая*“ національность, не только въ Германіи, но и въ Австріи, гдѣ ея носителями являются и нѣмцы, и чехи, и венгерцы, и всѣ, кто усвоилъ нѣмецкій литературный языкъ настолько, что онъ служитъ человѣку привычнымъ и

необходимымъ органомъ рѣчи-мысли. Въ этомъ же смыслѣ можно говорить о національности обще-французской, обще-итальянской и т. д.

Такія „общія“ національности — явленіе широко-распространенное и являющееся неизбѣжнымъ спутникомъ культурнаго и національнаго развитія человѣчества. Если даже возьмемъ такія національности, какъ украинская, которая противопоставляется общерусской, какъ „мѣстная“ и „народная“, то увидимъ, что и тутъ повторяется — только въ меньшихъ размѣрахъ — то же самое явленіе, именно образование „общеукраинской“ національности, представителями которой являются украинцы и инородцы (напр. евреи), усвоившіе литературный украинскій языкъ, какъ органъ своей мысли, вмѣсто того или другого нарѣчія.

Можно установить правило: *всякій національно-литературный языкъ есть языкъ „общій“, съ тою лишь разницею, что одинъ является „общимъ“ для небольшого числа народностей и распространяется лишь въ тѣсныхъ территоріальныхъ границахъ, между тѣмъ какъ другой, но тѣмъ или инымъ причинамъ, развивается на большомъ пространствѣ, захватывая разнообразныя племена, народы и рассы.*

Всѣ національные языки, какъ „наиболѣе общіе“, въ родѣ, напр., русскаго литературнаго, такъ и „менѣе общіе“, въ родѣ украинскаго, чешскаго и т. д., имѣютъ свои спеціальныя культурныя задачи, исполняютъ свою миссію, — и между ними не должно было бы возникать никакихъ враждебныхъ отношеній. Къ сожалѣнію, таковыя возникали слишкомъ часто, и еще далеко, повидимому, то время, когда они прекратятся. Причиною конфликтовъ и споровъ изъ-за преобладанія въ данной странѣ и въ провинціи того или другого національнаго языка служитъ, конечно, столкновение интересовъ различныхъ группъ населенія. Вражда классовъ, націй, партій распространяется и на языки, которые, казалось бы, должны были бы стоять внѣ этой распри, имѣя свои, чисто культурныя задачи, весьма далекія отъ классовыхъ или политическихъ столкновеній. Национальный языкъ, служа органомъ просвѣщенія и умственной культуры данной страны или мѣстности, есть, такъ сказать, общественное и народное достояніе, общее благо, которымъ могутъ пользоваться одинаково всѣ классы, партіи, фракціи, какъ поль-

зуются они школою, университетомъ, прессою и т. д. Мало того: любой національный языкъ, общій или мѣстный, не рѣдко служитъ интересамъ другихъ національностей, *какъ таковыхъ*, а не исключительно той, которая непосредственно заинтересована въ его развитіи и распространѣніи. Такъ, общерусскій литературный языкъ, являясь орудіемъ общенія между различными національностями имперіи, несомнѣнно, содѣйствуетъ ихъ развитію, во-первыхъ, тѣмъ, что создаетъ, такъ сказать, нейтральную почву, на которой онѣ могутъ выступать съ защитою своихъ интересовъ и, такъ сказать, „брататься“, во-вторыхъ,—тѣмъ, *что онъ служитъ возбудителемъ мѣстнаго національнаго творчества*. Это послѣднее значеніе общихъ языковъ до сихъ поръ недостаточно оцѣнено. Оно заслоняется и иногда—въ извѣстной мѣрѣ—парализуется націоналистическою политикою господствующихъ народовъ, для которыхъ общіе языки являются національными. Нѣмцы стремятся навязать свой языкъ славянамъ, имѣя цѣлью ихъ онѣмеченіе, русское правительство искореняло мѣстные языки, преслѣдуя политику „обрусенія“, долженствовавшую проводить всюду начала такъ называемой „официальной народности“. Все это относится къ области злоупотребленій „общимъ языкомъ“ и отнюдь не вытекаетъ изъ его природы, изъ его прямого культурнаго и національнаго призванія. Раньше или позже эта вредная политика подавленія національностей будетъ упразднена, и тогда общіе языки, не нарушая правъ языковъ мѣстныхъ, выступятъ во всемъ своемъ значеніи — разсадниковъ культуры и возбудителей національнаго творчества повсюду, гдѣ оно имѣетъ шансы возникнуть. Это станетъ намъ вполнѣ яснымъ, если мы, отвлекаясь отъ государственнаго, официального значенія общихъ языковъ, будемъ имѣть въ виду исключительно ихъ роль, какъ органа національнаго творчества. Стоитъ только взять, на примѣръ, нѣмецкій литературный языкъ, какъ языкъ Гете, Лессинга, Шиллера, Гейне, Гауптмана, Лассаля, Ничше и т. д., или общерусскій, какъ языкъ Пушкина, Гоголя, Тургенева, Толстого, Бѣлинскаго, Добролюбова и т. д., чтобы понять, какими могучими возбудителями мысли и творчества являются повсюду эти „общіе языки“, и съ какою психологическою необходимостью они, распространяясь среди другихъ націй, возбуждаютъ чужое національное творчество. Можно принять, какъ правило, что мѣстные языки и

литературы организуются и начинаютъ развиваться не иначе, какъ подъ прямымъ воздѣйствіемъ общихъ языковъ и литературъ. *Мѣстные очаги національнаго творчества воспламеняются отъ общихъ его очаговъ.* Равнымъ образомъ, *мѣстные очаги воспламеняются также другъ отъ друга.* *Вообще всѣ, и общіе, и мѣстные языки и литературы развиваются въ процессъ заимствованія и подражанія другъ другу.* Эти положенія прочно установлены детальными изслѣдованіями по исторіи литературъ. Покойный Потенія училъ, что всякое заимствованіе и подражаніе въ области языка, народной поэзіи, литературы есть только особый—начальный—видъ творчества, и что всякое національное творчество, прежде чѣмъ достигаетъ самобытности, обязательно проходитъ черезъ фазисъ подражательности. Такъ называемая самобытность есть, въ сущности, ничто иное, какъ способность ассимилировать, превращать чужое въ свое. Пока это совершается неумѣло, нескладно, „по-ученически“ (какъ это дѣлали наши писатели XVIII-го вѣка), мы говоримъ о „подражательномъ періодѣ“. Когда же это дѣлается такъ, какъ это мы видимъ, напримѣръ, у Жуковского, Пушкина, Грибоѣдова, Лермонтова и т. д., тогда мы говоримъ о „самобытномъ“ творествѣ—и тутъ же указываемъ на заимствованія, на вліянія извнѣ.

Мѣстные языки и литературы, если они хотятъ развиваться и распространяться, не должны бояться общихъ, которые при свободѣ отношеній, при невмѣшательствѣ государства только помогутъ имъ стать очагами національнаго творчества въ данной національной средѣ и, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, распространиться и дальше, за предѣлы этой среды, стать въ свою очередь „общими“.—И, наоборотъ: общіе языки и литературы не должны видѣть въ мѣстныхъ языкахъ и литературахъ соперника или какую-то враждебную силу. Напротивъ, развитіе мѣстныхъ языковъ и литературъ является необходимымъ подспорьемъ для общихъ, поддерживая ихъ связь съ широкими кругами населенія, съ народными массами. Ибо, при большомъ этнографическомъ и лингвистическомъ разнообразіи, общій языкъ рискуетъ превратиться для большинства населенія въ родъ „*заживомертваго*“, *искусственнаго*, какимъ сталъ еще въ древности латинскій, — и тогда по необходимости національное творчество оскудѣетъ. Литературный языкъ питается посто-

янными вкладами изъ разговорныхъ нарѣчій и другихъ языковъ, какъ родственныхъ ему, такъ и неродственныхъ. Литература на общемъ языкѣ должна быть въ живомъ общеніи съ мѣстными литературами, которыя всегда ближе къ народнымъ массамъ, чѣмъ общая. Такое общеніе предохранитъ ее отъ омертвѣнія, отъ искусственности, отъ условности, отъ „книжности“.

Таковы здоровыя, жизнедѣятельныя отношенія между языками и литературами, и таковъ, слѣдовательно, нормальный ходъ вещей во взаимоотношеніяхъ между національностями. Нѣтъ сомнѣній, что съ дальнѣйшимъ прогрессомъ свободы и культурности онъ установится повсюду въ цивилизованномъ мірѣ.

Въ предыдущихъ статьяхъ я старался установить и освѣтить съ различныхъ сторонъ положеніе, гласящее, что національность есть психологическая принадлежность развивающейся личности. Къ числу „естественныхъ“ правъ личности необходимо отнести и *право на національность и, слѣдовательно, на безпрепятственное пользованіе тѣмъ языкомъ, который личность признаетъ своимъ національнымъ*. Какъ и всѣ „естественныя“ права, это право на языкъ и національность должно быть гарантировано и ограждено отъ всякихъ посягательствъ. Дать такую гарантію призвано государство. Но это только первый шагъ. Второй—важнѣйшій—шагъ къ свободѣ національнаго самоопредѣленія долженъ быть сдѣланъ самими націями и состоитъ въ томъ, что всякая національная группа (общерусская, великорусская, украинская, польская, армянская, еврейская и т. д.) должна сознать, что она—не секта, не политическая партія, и что поэтому каждый изъ ея членовъ воленъ избрать себѣ или признать свою любую національность—независимо отъ происхожденія, мѣстожителства, религіи и т. д. Къ сожалѣнію, нѣкоторыя націи, долго находившіяся подъ гнетомъ, относятся съ большею или меньшею нетерпимостью къ тѣмъ лицамъ изъ ихъ среды, которыя избираютъ другую національность; на это смотрятъ какъ на родъ ренегатства, полагая, что, разъ человекъ родился, напр., въ украинской или польской семьѣ, то онъ *обязанъ* быть украинцемъ или полякомъ *по національности*. Беру смѣлость думать, что читатель, прочитавшій эти статьи съ нѣкоторымъ вниманіемъ, согласится со мною, что такой взглядъ противорѣчитъ

самой психологіи національности, какъ исключительной принадлежности лица (а не соціальной группы), что онъ долженъ быть осужденъ—какъ отголосокъ или порожденіе все того-же гнета надъ національностью и надъ личностью, и что ему долженъ быть рѣшительно и послѣдовательно противупоставленъ принципъ полной свободы національнаго самоопредѣленія личности.

Проф. Д. Овсянико-Куликовскій.

Памяти М. Я. Герценштейна.

19 іюля убитъ М. Я. Герценштейнъ. Не стало человѣка—честнаго, чистаго, никогда никому не сдѣлавшаго зла; человѣка, всю свою жизнь работавшаго, не покладая рукъ; всю свою жизнь устнымъ и печатнымъ словомъ боровагося за лучшее будущее русскаго народа. Какъ всякое убійство, этотъ фактъ вызоветъ въ каждомъ порядочномъ человѣкѣ осужденіе. Какъ убійство изъ за угла, оно вызоветъ презрѣніе къ убійцѣ. Какъ убійство *Герценштейна*, оно будитъ во мнѣ чувства горести и сожалѣнія...

Недоумѣвать передъ этимъ убійствомъ, удивляться, почему убитъ именно Герценштейнъ—я не стану. Конечно, по самому характеру своей дѣятельности покойный не могъ имѣть враговъ, которые жаждали бы отомстить ему смертью за смерть. Но въ томъ лагерѣ, который борется съ большинствомъ русскаго народа противъ введенія новаго режима, у него были свои враги—злобные, невѣжественные, непримиримые. Это—тѣ господа, которые усматривали въ аграрной программѣ покойнаго тяжкій ударъ своимъ эксплуататорскимъ инстинктамъ; это тѣ, которые съ ужасомъ чувствовали близкій конецъ безконтрольному хозяйничанью русскими финансами; это тѣ, которые не могли примириться съ мыслью, что въ русскомъ парламентѣ есть не только видные русскіе, но и выдающіеся евреи. Нужды нѣтъ, что нѣкоторые изъ нихъ стояли, во многихъ отношеніяхъ, неизмѣримо выше православныхъ депутатовъ. Нужды нѣтъ, что покойный Герценштейнъ былъ также православный; но онъ по рожденію былъ еврей, не скрывалъ этого и не стѣснялся своего происхожденія. И этого было достаточно, чтобы его ненавидѣть.

Я не стану производить экскурсіи въ область болѣе или менѣе вѣроятныхъ догадокъ о томъ, кто убилъ Герценштейна; вѣриге—кто инспирировалъ это убійство. Но нельзя не отмѣтить страннаго тона оффиціозной „Россіи“, которая въ статьяхъ по поводу смерти М. Я. пытается доказать, что научный и дѣловой багажъ покойнаго былъ такъ ничтоженъ, что его существованіе или смерть были безразличны тѣмъ слоямъ, съ которыми боролся и предполагалъ еще долго бороться погнбшій М. Я. Герценштейнъ. Сказать, что покойный „к чему учился“ *) и кое-что зналъ значить — или намѣренно извращать факты или не вѣдать, что покойный всю свою жизнь не переставалъ работать, пополняя тѣ знанія, которыя далъ ему русскій, оконченный имъ по юридическому факультету университетъ, изученіемъ экономическихъ и финансовыхъ наукъ у заграничныхъ профессоровъ.

Нѣтъ, указанная оцѣнка научнаго значенія М. Я. Герценштейна, его заслугъ и достоинствъ—невѣрна и, смѣю думать, даже не вполне искренна. Надо же сознаться, что убитый депутатъ былъ слишкомъ крупной велпчиной въ лагерѣ оппозиціи, поставившей своею цѣлью борьбу съ крѣпостническими наклонностями крупныхъ землевладѣльцевъ и съ безконтрольнымъ расточеніемъ народныхъ денегъ тѣми, кто были хозяевами положенія. Его глубокое пониманіе аграрнаго вопроса и та постановка, которую принялъ этотъ вопросъ въ аграрной комиссіи, отчасти подъ вліяніемъ покойнаго, не давали спать многимъ охранителямъ незыблемости принципа неприкосновенности частной собственности.

Но, если въ области разрѣшенія аграрнаго вопроса покойнымъ уже сдѣлано было почти все, чтобы будущая Дума разрѣшила этотъ вопросъ именно въ смыслѣ, негодномъ для господъ „охранителей“, то въ дѣлѣ прекращенія безконтрольнаго хозяйничанья народными деньгами, Герценштейну предстояло еще не мало поработать. И можно смѣло утверждать, что въ этой области новой Думѣ трудно будетъ замѣнить Михаила Яковлевича. Среди прогрессивныхъ элементовъ,

*) „Россія“ отъ 20 іюля.

изъ конухъ, несомнѣнно, будетъ состоять большинство этой Думы, найдутся, конечно, лица, теоретически знакомыя съ финансовымъ дѣломъ. Но едва ли среди нихъ найдется человѣкъ, *практически* знакомый, подобно покойному, съ *техникой* многихъ сторонъ финансового дѣла и способный также успѣшно, какъ М. Я., разобратъ въ тѣхъ тонкостяхъ и деталяхъ нашего—особенно расходнаго—бюджета, въ тѣхъ многочисленныхъ его параграфахъ, статьяхъ и подраздѣленіяхъ, которые таятъ въ себѣ весьма любопытныя цифры, и изъ комбинацій которыхъ только и можно составить истинное представленіе о тѣхъ государственныхъ расходахъ, на которые идутъ народныя русскія деньги. Для сторонниковъ того порядка, при которомъ распоряженіе многомилліоннымъ бюджетомъ Россіи принадлежало безконтрольнѣ небольшой группѣ лицъ, эта, предстоявшая покойному роль, не могла касаться ничтожной; и въ этомъ смыслѣ его смерть едва ли встрѣчена имъ равнодушно...

Я познакомился съ М. Я. года четыре тому назадъ въ одной изъ комиссій, обсуждавшихъ мѣры къ развитію коопераций и мелкаго кредита. М. Я. частенько приглашали въ прежніе годы въ разные комиссіи, очевидно, не въ качествѣ человѣка, только „кое-чему учившагося“. И М. Я. всегда охотно дѣлился съ членами такихъ комиссій своими знаніями, опытомъ прежней своей практической дѣятельности и своими предположеніями, полными здраваго смысла и пониманія сути дѣла. Я не ошибусь, если скажу, что въ этой комиссіи онъ былъ и самымъ авторитетнымъ и самымъ дѣятельнымъ членомъ. Онъ интересовался положеніемъ дѣла въ тѣхъ его сторонахъ, которыя относились къ области „канцелярской тайны“. Онъ задавалъ вопросы, удачными замѣчаніями освѣщаль интересующій предметъ и, гдѣ надо, ѣдко и беспощадно критиковалъ неосновательныя мнѣнія. И тогда, въ этой комиссіи, разбирая разныя предлагаемыя ея членами проекты, М. Я., отказываясь признать за ними чудодѣйственную силу, указывалъ на то, что главное препятствіе къ развитію коопераций и мелкаго кредита заключается въ отсутствіи на мѣстахъ примитивныхъ свободъ—слова и собравій—и въ невыносимомъ гнетѣ со стороны уѣздныхъ властей. И его слова дышали

увѣренностью и страстностью — и всякій, кто сколько-нибудь знакомъ съ условіями развитія кооперативнаго дѣла, не можетъ не согласиться, съ тѣмъ, что это утверждение М. Я. болѣе чѣмъ справедливо.

Въ послѣдній разъ я видѣлся съ М. Я. незадолго передъ открытіемъ Государственной Думы. Мы ѣхали съ нимъ вмѣстѣ въ одножъ купе: я въ Харьковъ, по дѣламъ; онъ—въ Москву, къ своимъ отдыхать. По словамъ покойнаго, ему очень нездоровилось; къ тому же, онъ сильно усталъ, такъ какъ много работалъ на III съѣздѣ партіи народной свободы. Особенно его утомили нескончаемыя пренія по аграрному вопросу. Онъ, не скрывая, говорилъ, что въ этихъ преніяхъ было много цѣннаго и дѣльнаго, но не мало также и желанія нѣкоторыхъ непременно сказать свое слово по этому вопросу. Севастопольскій поѣздъ выходитъ въ апрѣлѣ изъ Петербурга утромъ, и потому до Москвы мы ѣхали вмѣстѣ цѣлый день. Вначалѣ я оставилъ своего спутника (которому очень обрадовался) въ покоѣ; и онъ нѣсколько часовъ дремалъ, лежа на диванѣ. Затѣмъ, повидимому, немного оправившись, онъ самъ началъ разговоръ, не смотря на то, что я совѣтовалъ ему молчать и отдыхать.—Ну, что у васъ новаго?—спросилъ онъ. Я сказалъ ему о новостяхъ, интересныхъ только для спеціалиста и сталъ поздравлять его съ избраніемъ въ депутаты.—Спасибо, спасибо—говорилъ М. Я. улыбаясь; да, это—большая честь. И знаете—добавилъ онъ, оживляясь—я и до сихъ поръ не могу примириться съ мыслью, которая кажется мнѣ очень важной съ точки зрѣнія успѣховъ культурнаго развитія массы. Вы сопоставляли эти два слова: „Москва и Герценштейнъ“.—Да, но позвольте, М. Я., вѣдь Васъ знала вся Москва, какъ одного изъ достойнѣйшихъ людей; при чемъ же здѣсь—Герценштейнъ?—„Это все, можетъ быть, и такъ. Но сознайтесь, что 10 лѣтъ назадъ эти выборы были бы немыслимы. Я, конечно, счастливъ и горжусь, что меня избрала Москва—продолжалъ онъ, спустя немного,—но если бы Вы знали, какъ тяжело было принять это избраніе. Вѣдь я болѣе 20 лѣтъ живу въ Москвѣ, я сроднился съ нею, полюбилъ ее; у меня тамъ всѣ связи, всѣ духовные и матеріальные интересы;

есть даже маленькій клочекъ земли подь Москвою. И вотъ приходится переѣзжать; приходится бросить профессуру. Вы недоумѣваете, почему я такъ жалѣю объ этомъ. Но Вы поймете, если я Вамъ скажу что я добился профессуры тяжкимъ трудомъ; что многіе годы я работалъ надъ созданіемъ особаго курса—кооперацій и мелкаго кредита; что на поприщѣ науки у меня установились прекрасныя отношенія съ лучшими представителями интеллигентной Москвы. И со всѣмъ этимъ не легко разставаться“.

М. Я. живо интересовался положеніемъ мелкаго кредита, ростомъ кредитныхъ товариществъ и мѣрами къ развитію этого дѣла. Мелкому кредиту покойный придавалъ громадное значеніе.—„Вотъ стойте; только бы намъ покончить съ аграрнымъ вопросомъ, а тамъ и за мелкій кредитъ примемся“. Онъ интересовался моимъ мнѣніемъ по поводу этого предмета, любезно просилъ говорить подробнѣе. И мы много толковали съ нимъ о необходимости измѣнить нынѣшній законъ 7-го Іюня 1904 г. о мелкомъ кредитѣ, особенно—въ части, касающейся завѣдыванія этимъ кредитомъ на мѣстахъ. Мы говорили съ нимъ объ основаніяхъ, на которыхъ желательно было бы устроить центральный банкъ мелкаго кредита, средствахъ, которыя необходимо было бы привлечь на это дѣло. Между прочимъ, очень интересно отношеніе М. Я. къ той части программы партіи народной свободы, которая говоритъ объ употребленіи средствъ государственныхъ сберегательныхъ кассъ на нужды мелкаго кредита. Онъ признавалъ, что постановка вопроса въ этой программѣ не достаточно ясна и послѣдовательна; что включеніемъ въ программу партіи требованія объ употребленіи части средствъ сберегательныхъ кассъ на дѣло мелкаго кредита имѣлось въ виду лишь подчеркнуть необходимость обратить серьезное вниманіе на развитіе мелкаго кредита, а это, безъ указанія возможнаго источника средствъ, было бы не такъ удобно. Онъ соглашался также, что фонды сберегательныхъ кассъ — далеко не единственный источникъ тѣхъ средствъ, которыя могли быть направлены въ русло мелкаго кредита; что при болѣе благопріятныхъ условіяхъ своей дѣятельности учрежденія мелкаго кредита, въ виду болѣе высокаго процента по

вкладамъ, вмѣсто того, чтобы заимствовать деньги изъ сберегательныхъ кассъ, могли бы оттянуть отъ этихъ кассъ значительную часть ихъ теперешнихъ вкладовъ. Онъ даже признавалъ, что теперь говорить объ употребленіи части средствъ сберегательныхъ кассъ на дѣло мелкаго кредита не особенно практично. Известно, что въ настоящее время распорядителемъ ихъ капиталовъ является Министръ Финансовъ,—который можетъ, по первому желанію, разъ данныя средства взять обратно. Другой вопросъ, если бы сберегательное дѣло было у насъ реорганизовано въ смыслѣ его децентрализаціи и созданія хотя бы такого положенія вещей, которое имѣеть мѣсто въ Германіи. Наконецъ, онъ готовъ былъ согласиться, что важно *признаніе* со стороны правительства необходимости снабжать учрежденія мелкаго кредита средствами, а послѣднія найдутся и помимо сберегательныхъ кассъ, хотя бы въ Государственномъ Банкѣ, который, какъ известно, находитъ сотни миллионновъ для кредитованія крупной промышленности и торговли.

Среди другихъ разговоровъ на разные темы мы коснулись, между прочимъ, *украинскаго вопроса*. М. Я. сознался, что не имѣлъ времени держать себя въ курсѣ этого вопроса. Я познакомилъ его вкратцѣ съ положеніемъ дѣла; рассказалъ ему о главнѣйшихъ политическихъ партіяхъ на Украинѣ, о петербургскомъ украинскомъ политическомъ клубѣ, возникшемъ въ 1905 году, и его задачахъ. Разговоръ сосредоточился на вопросѣ объ автономіи Украины.— „Автономія—это хорошая вещь, — говорилъ М. Я.,—но довольно не легкая въ примѣненіи къ Украинѣ“.—Отчего такъ? спросилъ я.— „Слабое мѣсто стремленій украинцевъ къ автономіи въ томъ, что, въ сущности, у нихъ нѣтъ точно опредѣленной территоріи, а безъ послѣдней автономія едва ли мыслима“.—Но позвольте, возразилъ я, какъ нѣтъ территоріи? По мнѣнію украинцевъ—она есть. Территорія эта—губерніи: Кіевская, Подольская, Волынская, Харьковская, Черниговская, Полтавская, Херсонская, Екатеринославская, Таврическая и Бессарабская. Это именно тѣ губерніи, гдѣ украинцевъ живетъ болѣе 50⁰/о и даже мѣстами болѣе 90⁰/о всего населенія.— „И все же, это—территорія довольно искусственная: во 1-хъ, потому, что есть части

и другихъ губерній, гдѣ украинцевъ болѣе 50⁰/о, напримѣръ, южная часть Воронежской губерніи; а во 2-хъ, развѣ въ уѣздахъ Ялтинскомъ, Феодосійскомъ, Евпаторійскомъ—вообще въ Крыму—развѣ тамъ украинцевъ болѣе 50⁰/о? А между тѣмъ отрѣзать Крымъ отъ Великороссіи автономной Украиной невозможно. Развѣ, впрочемъ, и Крымъ сдѣлать автономнымъ? Но это было бы трудно, потому что для автономизаціи Крыма ужъ нѣтъ никакихъ основаній. Вообще же я не противъ автономіи, вѣрнѣе—я за широкое мѣстное самоуправленіе, близкое, если хотите, къ автономному устройству. Такое самоуправленіе слѣдовало бы дать и всему югу Россіи, и Кавказу, и Сибири, и проч. Другое дѣло Польши и Финляндіи; здѣсь и составъ населенія, и вѣковая культура, и политическія традиціи—все даетъ право на болѣе самостоятельное управленіе, конечно, при условіи пребыванія этихъ частей Россіи въ нераздѣльной связи съ Имперіей“.—Да вѣдь о сепаратизмѣ нѣтъ рѣчи и среди украинскихъ автономистовъ—замѣтилъ я.—„Нѣтъ рѣчи—да; я готовъ признать; но за то будетъ... Не теперь, быть можетъ, даже не скоро—но такіа рѣчи появятся“.

Я пытался возражать; я говорилъ, что здравый смыслъ большинства украинскаго народа, если бы онъ получилъ автономію, побудить массы не желать отдѣленія отъ Россіи, такъ какъ это могло бы повести за собой послѣдствія, едва ли благопріятныя для Украины. Я указывалъ, что самостоятельное политическое существованіе относительно небольшихъ государствъ стоитъ дорого и даетъ менѣе увѣренности въ прочности ихъ *мирнаго* развитія, на что можетъ скорѣе разсчитывать такая крупная имперія, какъ нынѣшняя Россія, и т. д.—„Все это хорошо — замѣтилъ М. Я.,—но позвольте сказать только одно: въ будущемъ, когда все устроится, тогда можно поднимать вопросъ и объ автономіяхъ. А теперь — не лучше-ли это оставить? Вѣдь у насъ на очереди такая масса работы; намъ такъ много надо сдѣлать, чтобы дать возможность всѣмъ, живущимъ въ Россіи, дышать и говорить свободно, не дрожа за свою жизнь, что для этой работы надо забыть все остальное: при нынѣшнихъ условіяхъ *это все* является пока роскошью. Роскошью будетъ еще, вѣроятно,

долгое время и автономія, да и не только для Украины, но и для Польши“...

Вечеромъ мы приѣхали въ Москву. М. Я. уложилъ въ газету, а затѣмъ увязалъ въ небольшой платокъ свой скромный багажъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ книгъ и необходимыхъ предметовъ туалета, и со своимъ узелкомъ въ рукѣ, распрощавшись со мною, вышелъ на платформу Петербургскаго вокзала. Я проводилъ его до платформы и пожелалъ ему всего лучшаго. — „До свиданья!“ крикнулъ мнѣ М. Я., удаляясь медленной, но бодрой походкой... И могъ ли я думать, что спустя 2¹/₂ мѣсяца этотъ человѣкъ, полный жизни, надеждъ и готовности работать на благо Россіи, будетъ убитъ?... Бѣдная, бѣдная Россія!..

С. Бородаевскій.

Украинская пресса.

Въ истекшемъ мѣсяцѣ выраженіемъ общественнаго мнѣнія Украины служила преимущественно „Громадська Думка“, которой „независяція обстоятельства“ пока не препятствуютъ добросовѣстно оправдывать свое названіе и откликаться на всѣ текущіе вопросы общегосударственной и мѣстной общественной жизни... Менѣе благоприятно въ этомъ отношеніи сложились условія работы для „Рідного Края“, которому пришлось значительно усилить свою сдержанность и тѣмъ не менѣе не удалось избѣжать конфискаціи одного изъ недавнихъ номеровъ (№ 29). „Вільна Україна“ вынуждена была временно вовсе пріостановить свой выходъ до лучшихъ часовъ.

Посвятить въ одной изъ предыдущихъ книжекъ нашего журнала спеціальную статью своду отзывовъ украинской прессы по поводу роспуска Государственной Думы, мы не будемъ болѣе останавливаться на статьяхъ по общимъ вопросамъ, — такъ какъ въ этой области украинская пресса вполне единодушна съ радикальною частью русской журналистики. Обращаясь къ вопросамъ, связаннымъ съ мѣстными—областными и національными интересами,—отмѣтимъ рядъ интересныхъ статей „Гром. Думки“, отвѣчающихъ запросамъ момента. Въ статьяхъ „Хто ми, що ми і чого намъ треба“ (№№ 158—159) газета касается недостатка національнаго самосознанія у украинцевъ, взятыхъ въ массѣ,—и въ формѣ полемики съ землякомъ, отрицающимъ особые національные интересы Украины, мотивируетъ основныя требованія автономистовъ. Вопросъ о національно-

территориальной автономии, какъ необходимомъ условіи для культурнаго подъема негосударственныхъ народностей, трактуется въ статьѣ „В справѣ автономіи Польши“ (№ 151); характеризуя политику польскаго „кола“ въ Госуд. Думѣ, авторъ указываетъ, что шовинистическій и узко-классовой характеръ этой политики не долженъ, однако, исключать принципиальную поддержку полякамъ со стороны украинцевъ въ вопросѣ объ автономіи.

Въ статьѣ „Що у нас на черзі?“ (№ 165) кievская газета рекомендуетъ украинскимъ политическимъ дѣятелямъ тѣсное общеніе съ крестьянской массой, безъ содѣйствія которой не можетъ быть осуществлена національная программа украинцевъ. Рядъ статей посвящаетъ „Гром. Думка“ школьному вопросу, — наставляя на необходимости націонализации украинской школы (№ 165 — „До світла“ № 168 — „Вселюдна народня освіта і Україна“); извѣстный публицистъ г. Гринченко въ нѣсколькихъ статьяхъ подъ заголовкомъ „Народні вчителі і вкраїнська школа“ развиваетъ то-же положеніе, призывая народныхъ учителей на украинской территоріи къ практической работѣ въ этомъ смыслѣ. Наконецъ, отмѣтимъ любопытныя характеристики настроенія украинской деревни и тѣ новыя формы экономической борьбы, какія теперь все шире и сознательнѣе вводятся крестьянствомъ въ оборотъ деревенскихъ классовыхъ отношеній (№ 159 — „Новыми стежками“, № 171 — „Сучасні сільські малявки“).

Сильно поблѣднѣвшій „Рідний Край“ за отчетный мѣсяць помѣщалъ преимущественно статьи информационнаго и популярно-научнаго характера; изъ немногихъ исключеній отмѣтимъ статью г. Л. Ж. — „Що намъ треба робити?“ (№ 30). Потребностью момента, по мнѣнію автора, является подготовка къ новымъ выборамъ на почвѣ организаціи украинской партіи, представители которой могли бы въ будущей Думѣ образовать компактную и вліятельную группу; въ этихъ видахъ г. Л. Ж. рекомендуетъ украинской интеллигенціи объединяться подъ знаменемъ украинской демократической партіи, пропагандировать ея программу и заблаговременно намѣчать кандидатовъ въ депутаты

изъ представителей этой партіи; лишь этимъ путемъ, по мѣтвѣю автора, украинская интеллигенція докажетъ, что она понимаетъ и признаетъ права и интересы своего народа. Нельзя по этому поводу не замѣтить, что какъ ни настоятельно необходимо единеніе въ будущей Думѣ сознательныхъ украинцевъ, но успѣхъ собственно радикально-демократической партіи всецѣло зависитъ отъ того, въ какой мѣрѣ самъ народъ проявитъ тяготѣніе къ программѣ этой партіи; къ выясненію этого отношенія, намъ думается, и должны быть направлены теперь усилія партіи на мѣстахъ.

Если условія существованія прогрессивной украинской прессы значительно ухудшились, — то „Свитова Зирныця“ подняла голову и уже, повидимому, отказалась отъ своего зарока — не касаться вопросовъ внутренней политики; теперь въ ея передовыхъ статьяхъ можно найти проповѣди на тему „не убій“ — по поводу политическихъ убійствъ, съ умолчаніемъ о политическихъ казняхъ, и почтительныя интерпретаціи министерскихъ циркуляровъ, призывающихъ судъ къ безпристрастію, а печать къ правдивости, — и сожалѣніе о томъ, что разумные и знатные (?) люди отказываются войти въ составъ столыпинскаго кабинета. Мало-по-малу „Свитова Зирныця“ заслоняется туманомъ, задачей котораго можетъ быть только сохраненіе крестьянской массы на томъ уровнѣ сознательности, какой проявили подольскіе депутаты въ скончавшейся Думѣ...

Изъ украинскихъ ежемѣсячниковъ „Кіевская Старина“ въ книжкѣ за май—іюнь помѣстила новое извлеченіе изъ книги Драгоманова „Историческая Польша и великорусская демократія“, посвященное характеристикѣ отношенія социалистовъ 70-хъ годовъ къ федерализму вообще и къ украинскимъ федералистамъ въ частности; очень многое въ этой части труда Драгоманова сохранило свое значеніе до настоящаго времени, и потому нельзя не поблагодарить кіевскій журналъ за воспроизведеніе мыслей и наблюденій дѣятеля, авторитетъ котораго для нынѣшнихъ поколѣній общерусскаго социалистическаго движенія не безразличенъ.

Въ іюльской книжкѣ „Новой Громады“ записченъ этуль г. Ло-

зинскаго объ Антонѣ Менгерѣ. Заслуживаютъ вниманія любопытные общественно-бытовые очерки г. А. Гембе „З історіі одного міста“ (роль городской общественной бібліотеки въ организаціи общественныхъ силъ провинціи) и г. Дмитріева—„З діяльности полтавського земства“ (яркое доказательство полного несоответствія стараго цензового земства съ общественно-политическими потребностями современной жизни).

П. С.

Украинская социаль-демократія.

Конецъ 90-хъ годовъ минушаго столѣтія ознаменовался въ исторіи прогрессивной украинской интеллигенціи поворотомъ въ сторону самостоятельнаго развитія политической жизни Украины, выразившимся въ стремленіи къ образованію независимыхъ отъ общерусскихъ—украинскихъ политическихъ организацій, которыя занялись бы работою надъ пробужденіемъ политическаго и социальна-экономическаго самосознанія въ украинскихъ народныхъ массахъ. Собственно говоря, это направленіе, получившее еще раньше теоретическое обоснованіе въ трудахъ Драгоманова, было естественной реакціей какъ противъ принципа „неполитической культуры“, провозглашеннаго въ эпоху реакціи 80-хъ годовъ, такъ и противъ увлеченія общерусскимъ радикализмомъ, поглотившимъ массу украинскихъ силъ, и въ тоже время ничуть не способствовавшимъ развитію освободительнаго движенія въ средѣ самого украинскаго народа.

Марксистское направленіе, овладѣвшее умами украинской молодежи и искавшее практическаго подтвержденія своей доктрины въ окружающей дѣйствительности, натолкнуло нѣкоторые кружки украинской академической молодежи на мысль о пронагандѣ среди украинскаго населенія, примѣняясь къ конкретнымъ условіямъ украинской жизни, т. е. о созданіи украинскихъ революціонныхъ организацій, которыя вели бы пропаганду на украинскомъ языкѣ.

Попытки революціонно-соціалистической пропаганды въ украинскихъ народныхъ массахъ начались давно, почти одновременно съ великорусскимъ „хожденіемъ въ народъ“, но всѣ онѣ носили исключительно спорадическій характеръ, не принимая формы массоваго движенія, за исключеніемъ, развѣ, извѣстной чигиринской исторіи 1877 года. Украинское народничество 60-хъ годовъ выражалось преимущественно въ чисто культурнической работѣ, скоро приостановленной россійскимъ правительствомъ закрытіемъ воскресныхъ украинскихъ школъ и запретомъ, наложеннымъ на украинское слово. Въ 70-хъ годахъ было издано за границей нѣсколько брошюръ социалистическаго содержанія на украинскомъ языкѣ, но для распространенія ихъ въ народной средѣ не было создано никакой организаціи. Изрѣдка прибѣгали

къ украинскому издательству и потомъ, и даже русскія революціонныя партіи. Возникшее въ концѣ 80-хъ годовъ въ Галиціи движеніе среди крестьянства, извѣстное подъ именемъ радикализма, въ значительной степени питавшееся матеріальной и духовной поддержкой изъ російской Украины, не вызвало среди нашихъ украинцевъ посылки къ подобной же дѣятельности у себя дома (въ этомъ ихъ упрекали нѣкоторые видные дѣятели галицкой радикальной партіи, напр. Ив. Франко). Зато успѣхъ радикальнаго движенія *), носившаго социалистическій характеръ (по современному опредѣленію галицкихъ же социалистовъ это былъ такъ называемый мелко-буржуазный социализмъ), фактически опровергло мнѣніе русскихъ революціонеровъ „о безвыходности украинскаго социализма“ **).

Уже въ срединѣ 90-хъ годовъ среди революціонно-настроенныхъ группъ украинской молодежи южныхъ университетовъ созрѣла мысль объ основаніи украинскихъ революціонныхъ организацій. На рубежѣ 20 столѣтія, почти одновременно, образовались на лѣвомъ и правомъ берегахъ Днѣпра двѣ организаціи, назвавшія себя партіями: „украинской революціонной партіей“ и „украинской социалистической партіей“. Характерно, что лѣвобережная организація въ идейномъ отношеніи и въ тактикѣ создалась по типу русскихъ политическихъ партій, въ то время какъ „Укр. соц. партія“, возникшая на правомъ берегу Днѣпра, явилась слѣпкомъ съ извѣстной „Польской партіи социалистической“ (Р. Р. S.).

Наиболѣе жизнеспособной и прочной оказалась первая партія, получившая извѣстность подъ сокращеннымъ названіемъ Р. У. П. Мы располагаемъ историческимъ документомъ, въ которомъ изложены судьбы партіи и ея идейная эволюція вплоть до средины 1904 года, это—„Доклад Центр. Ком. Р. У. П. міжнародному соц. конгрессу в Амстердамі“. Кроме того, резолюціи партійныхъ съѣздовъ и періодическіе органы партіи даютъ возможность ознакомиться съ внутренней жизнью партіи ***).

*) О немъ см. обстоятельную статью въ словарѣ Брокгауза и Ефрона.

**) „О безвыходности украинскаго социализма въ Россіи“. Женева, 1891. Здѣсь говорится и о Галиціи.

***) „Укр. социаль-партія“ просуществовала недолго; одно время она соединилась съ Р. У. П., а потомъ снова вышла изъ состава послѣдней. Издательская дѣятельность „У. С. П.“, выразилась въ выпускѣ трехъ номеровъ газеты „Добра Новина“ и 5 брошюръ (среди нихъ—переводъ извѣстнаго Коммунистическаго Манифеста Маркса и Энгельса). Программа партіи, какъ уже нами упомянуто, была почти повтореніемъ программы Р. Р. S. съ подстановкой Украины вмѣсто Польши.

Первоначальный составъ ядра партіи отличался смѣшаннымъ характеромъ; преобладали два главныхъ теченія—радикально-націоналистическое и соціаль-демократическое. Это объясняется, конечно, стремленіемъ революціонныхъ украинскихъ элементовъ сплотиться вокругъ молодой партіи, поставившей себѣ девизомъ: борьбу за освобожденіе украинскаго народа отъ всякаго рода гнета и эксплуатаціи, а потому привлекшей къ себѣ сначала украинскихъ революціонеровъ различныхъ фракцій. Р. У. П. снискала себѣ горячія симпатіи украинской молодежи, разсѣянной по всемъ высшмъ учебнымъ заведеніямъ Россіи, и во все послѣдующее время встрѣчала съ ея стороны постоянную поддержку. Первымъ шагомъ партіи было изданіе въ 1900 году брошюры „Самостійна Україна“, трактовавшей о политической самостоятельности Украины, исходя не изъ классовыхъ интересовъ трудящихся массъ украинскаго населенія, а изъ началъ такъ называемой „исторической справедливости“. Въ скоромъ времени партіи пришлось энергично отрещиваться отъ родства съ это брошюрой. Одновременно съ „Самостійной Україною“ была издана и популярная брошюра для народа „Дядько Дмитро“, посвященная критикѣ російской податной системы. Съ этихъ поръ партія развиваетъ интенсивную издательскую дѣятельность за-границей *). Органомъ партіи съ 1902 года становится ежемѣсячный журналъ „Гасло“, посвященный теоретической разработкѣ задачъ партіи и лѣтописи революціоннаго движенія на Украинѣ.

Вначалѣ партія вела свою работу исключительно среди сельскаго населенія и только въ самое послѣднее время начала организовывать городскихъ рабочихъ. И это было вполне естественно. „Доклад“ даетъ слѣдующее объясненіе сосредоточенія дѣятельности молодой партіи именно среди крестьянства: „Съ самаго начала соціаль-демократическаго движенія въ Россіи мы застаемъ російскіе соціаль-демократическіе комитеты въ большихъ украинскихъ центрахъ, на примѣръ въ Кіевѣ, Харьковѣ, Одесѣ, которые занимаются пропагандою исключительно среди городского пролетаріата. Силь у нихъ было мало.

*) Всего съ 1900 по 1905 годъ Рев. Укр. Партіей было издано болѣе 30 названій брошюръ, изъ которыхъ нѣкоторыя выдержали по два и по три изданія. Наряду съ оригинальными брошюрами агитаціоннаго характера были изданы переводныя—Либкнехта (Науки и мухи), П. Лафарга, Каутскаго (Соціальная революція), Лассала (Рабочая программа и Сущность конституціи), Бебеля. Нѣсколько брошюръ содержатъ революціонную беллетристику, среди которой особенно выдѣляются талантливые рассказы В. Деде. Кромѣ брошюръ, партія выпустила болѣе 60 номеровъ періодическихъ изданій.

Лишь сконцентрировавъ работу въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ, можно было ожидать, что она будетъ вестись безостановочно, и что какой-нибудь жандармскій набѣгъ не разрушитъ ее въ данномъ мѣстѣ“. Среди этихъ организацій господствовалъ взглядъ, что продуктивной агитація можетъ быть лишь среди городскихъ рабочихъ, а съ крестьянами надо подождать до тѣхъ поръ, покуда они не сдѣлаются „настоящими“ пролетаріями. Однако жизнь брала свое. Соціалистическая проповѣдь, которая велась случайно рабочими, высланными за участіе въ „беспорядкахъ“ на родину, стала проникать въ самые глухіе углы, а съ другой стороны, немалое вліяніе оказывали на пробужденіе въ украинскомъ крестьянствѣ политической мысли организаціи еврейскаго „Бунда“, которыя стали основываться въ мелкихъ городахъ и мѣстечкахъ Украины. Вотъ тутъ то и возникло непреодолимое затрудненіе—въ видѣ совершеннаго отсутствія литературы, посвященной интересамъ сельскаго пролетаріата, а также вообще какой бы то ни было агитаціонной литературы на украинскомъ языкѣ. Вотъ эти двѣ причины—отсутствіе литературы для сельскаго пролетаріата и кромѣ того отсутствіе какой бы то ни было соціалистической литературы на украинскомъ языкѣ и вызвали, по мысли авторовъ „Доклада“, къ жизни Р. У. П., поставившую себѣ цѣлью пропаганду среди сельскаго пролетаріата Украины.

Въ 1902—3 годахъ Р. У. П. развила очень энергичную дѣятельность. Ею были основаны комитеты („вільні громади“) почти во всѣхъ крупныхъ центрахъ лѣвобережной Украины, а отчасти и въ правобережной, и кромѣ того цѣлый рядъ мелкихъ организацій. Не работавъ съ самаго начала яснаго соціалистическаго міровоззрѣнія, колеблясь, по собственному признанію, между національнымъ радикализмомъ и соціаль-демократіей, Р. У. П. все таки сдѣлала много для революціонизированія украинскаго крестьянства. Волненія 1902 года среди крестьянъ Полтавской и Харьковской губерній, въ значительной степени вызванныя агитаціей партіи, заставили обратить болѣе серьезное вниманіе на выработку опредѣленной аграрной программы, дискуссія надъ которой велась въ теченіе 1902 и въ началѣ 1903 года на страницахъ „Гасла“. Въ концѣ 1902 года партія организовалась на учредительномъ съѣздѣ, посвященномъ почти исключительно технически-организаціоннымъ вопросамъ. Къ этому времени составъ партіи, въ лицѣ ея главныхъ дѣятелей, болѣе или менѣе опредѣлился вслѣдствіе выхода изъ нея тѣхъ членовъ, которые направляли все свое вниманіе преимущественно на національно-политическій гнетъ надъ украинскимъ народомъ (изъ нихъ образовалась „Украинская народная партія“, получившая рѣзко выраженный націоналистическій харак-

терь). Партія стала стремиться къ тому, чтобы стать вполне соціально-демократической организаціей. Эволюція ея въ этомъ отношеніи совершалась довольно быстро: еще номера „Гасла“ и крестьянской газеты „Селянин“ (начала выходить съ 1903 года) носили на себѣ, по признанію теперешнихъ идеологовъ партіи, всѣ признаки мелко-буржуазнаго соціализма („Гасло“ упрекали также въ „Бернштейнство“), а уже въ № 4 „Гасла“ за 1903 годъ печатается проектъ программы партіи, выработанный ея кievскимъ комитетомъ, являющийся копіей программы рос. соц.-дем. рабочей партіи, выработанной ред. „Искры“ и „Зари“,—за исключеніемъ пункта объ автономіи Украины. Аграрная программа „Искры“ была принята цѣликомъ, какъ „единственно возможная и имѣющая основаніе“. Въ началѣ 1904 года Центр. Комитетъ Р. У. П. выпустилъ заявленіе, съ котораго партія считаетъ себя официально соціально-демократической. Въ 1904 году партія достигла кульминаціонной точки своего развитія, какъ по числу изданій, количеству организацій, такъ и по распространенію сферы своего вліянія на пролетаріатъ Украины. Въ этомъ году взамѣнъ „Гасла“ стала издаваться „Праця“, значительно улучшенная и въ смыслѣ содержанія и въ литературномъ отношеніи. Кромѣ того, къ партіи перешло изданіе „Доброї Новини“—органа, предназначеннаго для промышленныхъ рабочихъ. Для сельского же пролетаріата издавался „Селянин“. Подъ вліяніемъ партіи былъ проведенъ рядъ болѣе или менѣе крупныхъ стачекъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ Екатеринославской, Кіевской, Полтавской и Подольской губ. За это время партіей было распространено громадное количество брошюръ и „відозв“ (листочковъ), популяризовавшихъ имя партіи въ самыхъ глухихъ и темныхъ уголкахъ российской Украины.

По мѣрѣ своего роста и укрѣпленія своей теоретической основы на базѣ марксистской доктрины партія стала основывать организаціи и въ городахъ для пропаганды среди городскихъ рабочихъ. Р. У. П. при своемъ образованіи, какъ мы уже упоминали, застала соціально-демократическія и иныя соціалистическія организаціи въ большихъ городахъ Украины, среди которыхъ такіе центры, какъ Кіевъ *) и Екатеринославъ, играли выдающую роль въ революціонно-соціалистическомъ движеніи въ Россіи. Однако всѣ эти организаціи совершенно не считались съ національными особенностями украинскаго проле-

*) Надо замѣтить, что въ Кіевѣ еще съ 90-хъ годовъ существовала между прочимъ небольшая соц.-дем. украинская группа, поддерживавшая связи съ мѣстными рабочими. Этой же группой въ послѣдствіи было издано за границей нѣсколько украинскіихъ соціалистическихъ брошюръ.

таріата, среди котораго имъ приходилось работать. Поэтому имъ приходилось ограничиваться въ своей пропагандѣ тѣми рабочими, которые успѣли уже обрусѣть и безъ труда понимали русскую рѣчь, и вся дѣятельность этихъ организацій шѣла въ значительной степени оторванный, отчужденный отъ мѣстной жизни характеръ. Какъ справедливо замѣчено въ „Докладѣ“, русскія организаціи на Украинѣ въ началѣ своей дѣятельности еще не испытывали затрудненій, такъ какъ находили достаточно рабочихъ, знавшихъ русскій языкъ, но „со временемъ, когда рабочія организаціи стали охватывать все болѣе значительные круги пролетаріата, русскіе комитеты должны были остановиться передъ тѣми массами, которыя ежегодно прибываютъ изъ селъ и, не владѣя русскимъ языкомъ, остаются поэтому вовн сѣры вліянія соціалистическихъ организацій. Понятно, такое положеніе вещей, когда организованный пролетаріатъ по своему языку отличается отъ неорганизованнаго, должно было препятствовать дальнѣйшему распространенію соціалистическихъ идей, а тѣмъ самымъ и росту силъ соціаль-демократіи“.

Для работы среди городского пролетаріата было издано нѣсколько соответственныхъ брошюръ а такъ же издавалась упомянутая „Добра Новина“ и „Праця“. Съ наибольшимъ успѣхомъ пропаганда среди городскихъ рабочихъ велась въ мелкихъ уѣздныхъ городахъ лѣвобережной Украины.

Расширеніе дѣятельности Р. У. П. и возросшее ея вліяніе на Украинѣ выдвинуло вопросъ о ея взаимоотношеніи къ русскимъ партійнымъ организаціямъ, имѣющимъ сферой своей дѣятельности ту же Украину. Постепенное преобразование Р. У. П. въ соціаль-демократическую партію создало среди ея членовъ теченіе въ пользу тѣснаго сближенія съ рос. соц.-дем. раб. партіей. Этотъ вопросъ послужилъ главнымъ предметомъ обсужденія на конференціи представителей Р. У. П. въ концѣ 1904 года и повлекъ за собою выходъ изъ партіи группы ея членовъ, присоединившихся къ Р. С.-Д. Р. П., какъ автономная организація, получившая наименованіе „Спѣлки“ (союза). Эта организація существуетъ и до настоящаго времени въ приднѣпровскомъ районѣ. Ею изданъ номеръ журнала „Правда“, популярное изложеніе программы рос. с.-д. рабочей партіи и еще 2—3 брошюры.

Вурный 1905 годъ поставилъ на очередь окончательную выработку программы партіи и ея реорганизацію для болѣе согласованныхъ дѣйствій всѣхъ комитетовъ и группъ. Еще въ январскіе дни 1905 года вышелъ проектъ программы, выработанный Центральнымъ Комитетомъ партіи. На 2 очередномъ съѣздѣ въ концѣ года эта

программа была переработана и обнародована въ резолюціяхъ сѣзда съ подробной мотивировкой всѣхъ основныхъ пунктовъ. Резолюціи сѣзда были, между прочимъ, помѣщены почти цѣликомъ въ № 3 „Вільної України“, откуда мы и заимствуемъ наиболѣе интересныя данныя.

Политическія требованія и программа экономическихъ реформъ приняты на сѣздѣ почти тождественныя съ программой, выставленной Рос. С.-Д. Раб. Партіей (включившимъ выраженіемъ теоретическихъ взглядовъ международной революціонной соц.-демократіи, одной изъ составныхъ частей которой Р. У. П. признаетъ себя, принята теоретическая часть Эрфуртской программы).

Относительно аграрнаго вопроса принята слѣдующая резолюція, которую мы приводимъ цѣликомъ: „Въ интересахъ свободнаго развитія классовой борьбы въ деревнѣ и сельскаго хозяйства партія требуетъ: 1. Передачи всѣхъ земель—казенныхъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ, монастырскихъ, церковныхъ и крупныхъ частновладѣльческихъ областнымъ самоуправляющимся единицамъ. 2. Уничтоженія всѣхъ пережитковъ крѣпостничества въ аграрныхъ отношеніяхъ. 3. Уничтоженія всѣхъ законовъ, ограничивающихъ право крестьянъ свободно распоряжаться своею землею; право раздѣла общинной земли и право выдѣла. 4. Немедленнаго и полнаго уничтоженія всѣхъ выкупныхъ, оброчныхъ и иныхъ платежей и повинностей. 5. Обязательнаго государственнаго размежеванія земель за счетъ крупныхъ землевладѣльцевъ. 6. Введенія судовъ, которые имѣли бы право понижать непомерную арендную плату и уничтожать всѣ договоры кабальнаго характера.—Сѣздъ постановилъ агитировать среди крестьянства за то, чтобы аграрную программу партіи для проведенія въ жизнь предъявить учредительному собранію“.

На основаніи такой программы, сѣздъ логически долженъ былъ отвергнуть всякую мысль о поддержкѣ крестьянскихъ движеній, направленныхъ къ пріобрѣтенію земли захватнымъ путемъ. Такія движенія, по мнѣнію сѣзда, задерживаютъ соціально-экономическое развитіе деревни, а потому препятствуютъ и развитію классовой борьбы. Что же касается отношенія партіи къ Крестьянскому Союзу, то, привѣтствуя въ лицѣ Всерос. Крест. Союза—крестьянство въ его стремленіи вступить на путь организованной революціонной борьбы противъ существующаго соціально-экономическаго строя, сѣздъ рекомендуетъ организованному сельскому пролетаріату такую тактику, которая привела бы къ размежеванію пролетарскихъ и буржуазныхъ элементовъ въ средѣ самаго крестьянства.

Особенное вниманіе сѣзда было посвящено національному

вопросу. Считая себя однимъ изъ отрядовъ международной социаль-демократіи, враждебной всякой эксплуатаціи и всякому гнету, „Украинская социаль-демократія заявляетъ, что она будетъ бороться противъ національнаго гнета, за равныя права всѣхъ національностей на свободное существованіе и свободное развитіе, неуклонно отстаивая право націй на культурное и политическое самоопредѣленіе“. Относительно вопроса объ автономіи Украины принята слѣдующая резолюція: „принимая во вниманіе, что процессъ экономической централизаціи является только одной стороною экономической эволюціи, другой же стороною ея является экономическая децентрализація, которая влечетъ за собой политическую децентрализацію; что формы политическія приспосаблиются къ индивидуальнымъ, экономическимъ, бытовымъ, психологическимъ и культурнымъ особенностямъ каждой націи; что демократизація государственнаго строя требуетъ децентрализаціи законодательства, администраціи и суда; что въ интересахъ уничтоженія, на сколько это возможно въ капиталистическомъ обществѣ, національнаго гнета необходима передача всѣхъ вопросовъ, въ которыхъ проявляется національный гнетъ,—въ руки представительнаго собранія національно-территориальной единицы; второй съѣздъ, въ интересахъ развитія классовой борьбы и производительныхъ силъ Украины, принимаетъ въ свою программу постулатъ автономіи Украинны съ законодательнымъ сеймомъ въ дѣлахъ только населенія, живущаго на территоріи Украинны“ *). Исходя изъ этихъ резолюцій, съѣздъ призналъ необходимость національныхъ организацій пролетаріата, а желательную формою объединенія всѣхъ социаль-демократическихъ партій Россіи—федерацію.

Среди другихъ резолюцій съѣзда (о профессиональныхъ союзахъ, о мѣстныхъ организаціяхъ и пр.) заслуживаетъ еще вниманія резолюція объ „отношеніи партіи къ буржуазной демократіи вообще и къ украинской демократіи въ частности“. Въ своемъ желаніи какъ можно рѣзче отмежеваться отъ „украинской демократіи“, съѣздъ постановилъ: „самымъ энергичнымъ образомъ раскрывать классовыя основы буржуазной демократіи вообще, и украинской въ частности; не вступать съ буржуазными демократическими партіями ни въ какіе постоянные союзы или блоки; считать возможными временныя соглашенія съ ними во время отдѣльныхъ выступленій, не отступая ни на шагъ отъ программы и организаціонной самостоятельности партіи“.

Таково, въ общихъ чертахъ, политическое и социальное-экономическое міровоззрѣніе партіи, которое опредѣляетъ ея дѣйствія въ

*) Украинну съѣздъ признаетъ въ этнографическихъ границахъ.

настоящій критическій моментъ. Въ концѣ 1905 года Р. У. П., теперь уже У. С. Д. Р. П., какъ и другія социалистическія партіи въ Россіи, пробовала до нѣкоторой степени легализироваться. Но всѣ попытки въ этомъ направленіи, напр. попытки издавать ежедневную газету „Праця“ въ Кіевѣ и другую газету въ Харьковѣ—потерѣли фіаско. Только въ 1906 году украинская социаль-демократія приобрѣла органъ,—ежемѣсячный журналъ „Вільна Україна“, редакція котораго съ № 3 перешла въ руки социаль-демократовъ. Съ содержаніемъ вышедшихъ подъ новой редакціей двухъ номеровъ журнала наши читатели знакомы изъ обзоровъ украинской прессы (см. „Укр. В.“ №№ 1, 3, 9). Въ маѣ мѣсяцѣ текущего года начала было выходить въ Кіевѣ соц.-дем. газета „Боротьба“, но на 4 номерѣ она была приостановлена администраціей. Въ 1905 году издательство партіи за границей прекратилось. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ социаль-демократическія брошюры на украинскомъ языкѣ не выходили, покуда весной нынѣшняго года не основалось въ Петербургѣ соц.-дем. книгоиздательство „Боротьба“, выпустившее рядъ брошюръ.

Украинская социаль-демократія по мѣрѣ своего развитія все болѣе и болѣе приближается къ рос. с.-д. раб. партіи, показывая несомнѣнную тенденцію къ объединенію съ послѣдней, выработавъ извѣстный *modus vivendi*. Однако русскіе социаль-демократы не особенно дружелюбно относились къ своей младшей сестрѣ, не желая признать ея марксистской правоты и все время упрекая ее въ націонализмъ. Первое время Р. У. П. даже тщательно замалчивалась въ русской социалистической литературѣ. Лишь въ № 80 „Искры“ (1904 г.) была напечатана статья объ Р. У. П., сообщавшая о ней болѣе или менѣе обстоятельныя свѣдѣнія, да и то авторъ ея не призналъ за укр. партіей права на самостоятельность въ національномъ и организаціонномъ отношеніяхъ. Въ самое послѣднее время въ „Вѣстникъ Жизни“ (1906, № № 1—2) появилась любопытная статья г. Лукашевича объ „украинскихъ національныхъ партіяхъ“, въ которыхъ онъ относитъ и украинскую социаль-демократію. Статья эта вызвала горячую отвѣдь на страницахъ „Вильної України“. По всей вѣроятности, полемика на этомъ не прекратится. По нашему мнѣнію, она весьма желательна для обстоятельнаго выясненія отношенія социаль-демократическихъ партій Россіи къ національному вопросу.

Д. Дорошенко.

Депутаты съ территоріи Украины и дѣятельность ихъ въ Государственной Думѣ.

III. Законопроекты.

Помимо коренной земельной реформы передъ первымъ русскимъ парламентомъ стояла колоссальная законодательная работа. Законодательное творчество бюрократіи давно и навсегда изсякло. Уже много лѣтъ — со времени шестидесятыхъ годовъ — оно топчется на одномъ мѣстѣ. Разрушивъ все, что только можно было разрушить изъ наслѣдія эпохи реформъ, самодержавная бюрократія всѣ помыслы, всѣ усилія направила на собственное самосохраненіе. Безчисленными временными правилами, тайными и явными циркулярами она опутала, какъ желѣзными цѣпями, всѣ стороны жизни населяющаго Россію народа и задавила малѣйшіе проблески его свободы и самоопредѣленія. Но онъ, — этотъ спавшій великанъ, — проснулся и потребовалъ для себя свободной жизни. И вотъ Государственной Думѣ предстояло облечь въ форму законовъ эти требованія: снять всѣ ограниченія и создать новый, основанный на уваженіи къ правамъ какъ отдѣльной личности, такъ и цѣлыхъ народовъ, государственный строй.

Къ сожалѣнію, этой творческой, созидательной работѣ объявленія страны Дума не могла посвятить всѣ свои силы и все свое время. Она собралась въ тотъ моментъ, когда борьба за свободу была еще далеко отъ конца. Она собралась подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ разстрѣловъ, карательныхъ экспедицій и массовыхъ убійствъ. Изъ тюремъ и ссылки пришли въ Думу ея депутаты. „Кровавые призраки блуждаютъ въ этой залѣ“ — съ ужасомъ говорилъ одинъ изъ думскихъ ораторовъ. Но они не только блуждали тамъ до при-

хода депутатовъ, они безпрерывно врываются во время ихъ работы, прерывали ее, требовали отъ депутатовъ отвѣта, помощи, вмѣшательства... Надежда на то, что съ момента созыва Думы политика правительства измѣнится, что она хоть сколько-нибудь станетъ сообразоваться съ желаніями и постановленіями Думы, эта надежда не осуществилась. *Все осталось по прежнему.* Дума требовала амнистіи и снятія военныхъ и чрезвычайныхъ охранъ,—а тюрьмы по прежнему оставались переполненными политическими заключенными, по прежнему на сѣверъ отправлялись поѣзда со ссыльными, по прежнему большая часть страны изнывала подъ тяжестью исключительныхъ положеній. Дума высказалась за безусловную отміну смертной казни,—а чуть не каждый день снова получались извѣстія о смертныхъ приговорахъ и приведеніи ихъ въ исполненіе. И такъ во всемя.

Правильная законодательная работа становилась невозможной. Ее заслоняла и отодвигала на второй планъ борьба съ безотвѣтственнымъ министерствомъ, борьба съ угнетающимъ страну произволомъ. Министры и другимъ путемъ мѣшали законодательству. Они являлись въ Думу и проносили тамъ по поводу предложенныхъ Думой законопроектовъ безтактныя и явно вызывающія рѣчи (напр. по аграрному вопросу—рѣчи Стишинскаго и Гурко, по вопросу объ отмініи смертной казни—рѣчь Щегловитова и др.). Эти рѣчи вызывали рѣзкій отпоръ со стороны депутатовъ, озлобляли ихъ и все болѣе сгущали и безъ того насыщенную электричествомъ атмосферу. Дума судорожно металась изъ стороны въ сторону. Всякій разъ, когда подходило къ концу обсужденіе законопроекта, возникалъ угнетающій депутатовъ вопросъ: какими средствами, какимъ путемъ они добьются проведенія его въ жизнь? И вотъ начались раздаваться голоса, что нужно обращать свои законопроекты прямо къ народу, апеллировать къ нему и отъ него ждать осуществленія законовъ (деп. Михайличенко), затѣмъ предлагалось представить законопроектъ—рѣчь шла объ отмініи смертной казни—непосредственно на утвержденіе Верховной Власти, минуя Государственный Совѣтъ (деп. Заболотный), депутатъ Локоть настаивалъ на рѣшительномъ, категорическомъ требованіи осуществить рѣшеніе Думы, грозя въ противномъ случаѣ рѣзкимъ конфликтомъ: „или мы—или онъ“, а свящ. Поярковъ находилъ безчестнымъ сидѣть здѣсь и получать народныя деньги, если Дума безсильна, если она не въ состояніи даже добиться отміны смертной казни, и предлагалъ просто разѣхаться по домамъ, если смертная казнь не будетъ отмінена...

Тѣмъ не менѣе тактика Думы пока держалась обычнаго для законопроектовъ пути. Но обсужденію ихъ приходилось отдавать все

меньше и меньше времени. Въ маѣ большую часть вниманія Думы заняло обсужденіе отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь, законопроектъ о неприкосновенности личности, объ отмѣнѣ смертной казни и—больше всего—обсужденіе основныхъ началъ земельной реформы. Запросы оставались на второмъ планѣ. Въ іюнѣ „кровавые призраки“ стали все чаще тревожить депутатовъ. Разыгрался ужасный бѣлостокскій погромъ. Дума командировала туда особую комиссію, представившую обширный докладъ. Обсужденіе этого доклада, въ которомъ приняли участіе десятки ораторовъ, такъ и осталось незаконченнымъ... Затѣмъ начали выступать министры и ихъ товарищи съ объясненіями по поводу запросовъ. Въ отвѣтъ на объясненія Столыпина по поводу черносотенной типографіи, устроенной въ департаментѣ полиціи, произнесъ знаменитую свою рѣчь „о вахмистрахъ и городовыхъ“ князь Урусовъ. За этимъ опять послѣдовали рѣчи... Запросы и отвѣты на объясненія министровъ, цинично утверждавшихъ, что всѣ насилія производятся на „незыблемыхъ основаніяхъ закона“, занимали почти все время. Дума все болѣе становилась трибуной, откуда обличались насилія и пропозволь властей. Она все больше обращалась *книзу*, открывая глаза слѣпымъ и пробуждая спящихъ своими смѣлыми разоблаченіями, чѣмъ *кверху*. Запросы, которые въ маѣ считались десятками, въ іюнѣ посыпались сотнями. Изъ нѣмнѣющихъ особую важность законопроектовъ въ іюнѣ подверглись обсужденію лишь законопроекты о гражданскомъ равенствѣ (былъ внесенъ еще въ маѣ) и о свободѣ собраний, и кромѣ того былъ окончательно принятъ законъ объ отмѣнѣ смертной казни.

Переходя къ подведенію итоговъ дѣятельности депутатовъ съ территоріи Украины въ области законодательства, мы должны напомнить сдѣланное въ прошломъ очеркѣ замѣчаніе, что законопроекты въ особенности являются продуктомъ *коллективнаго творчества*. Въ частности, внесенные въ Думу законопроекты были выработаны партией народной свободы и ея органами—центральнымъ комитетомъ и комитетомъ ея парламентской фракціи. Интересно отмѣтить еще слѣдующее обстоятельство. Крестьянскіе депутаты, составлявшіе большую половину украинскіхъ депутатовъ и принимавшіе довольно оживленное участіе въ обсужденіи земельнаго вопроса, почти не принимали никакого участія въ обсужденіи законопроектовъ. Они оставались той аудиторіей, передъ которой выступало съ проектами, спорило или соглашалось между собой, болѣе образованное и подготовленное къ политической дѣятельности меньшинство Думы.

Переходимъ къ разсмотрѣнію участія депутатовъ съ территоріи Украины въ обсужденіи законопроектовъ, къ которымъ мы прич-

сялемъ—для удобства разсмотрѣнія—и отвѣтній адресъ на тронную рѣчь.

Выработка отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь была первымъ серьезнымъ шагомъ Думы. Комиссія 33-хъ, въ которой большинство принадлежало ка-детамъ, представила на разсмотрѣніе Думы ка-детскій проектъ адреса, составленный въ умѣренныхъ и вѣжливыхъ выраженіяхъ *). Разумѣется, подавляющее большинство Думы было вполне согласно съ этимъ проектомъ. И тѣмъ не менѣе превія затянулись на нѣсколько дней, и въ нихъ приняло участіе свыше сотни ораторовъ, произносившихъ обширныя рѣчи. Объясняется это очень просто. Депутаты привезли съ собой въ Думу со всѣхъ концовъ страны столько горечи, столько накопившей боли и негодованія за всѣ тѣ терзанія, какія доставило странѣ правительство Витте-Дурново, что они не могли его не высказать, не могли удовлетвориться корректнымъ тономъ отвѣтнаго адреса. И вотъ, добравшись до думской кафедры, депутаты, дополняя и варьируя основныя положенія адреса, непрерывно повторяя другъ друга, горячо и страстно обличали неправду и преступленія стараго режима и своими рѣчами показывали, какъ жаждетъ народъ новой свободной и спокойной жизни. Серьезныхъ возраженій противъ адреса не было высказано. Бороться было не съ кѣмъ. А рѣчи все лились и лились: депутаты обращались не столько другъ къ другу, сколько къ тому безграничному пространству „отъ финскихъ скалъ до пламенной Колхиды“, какое раскрывалось за стѣнами Таврическаго дворца. Такъ съ первыхъ же дней, незамѣтно для самой себя, независимо отъ той или другой тактики нартіи, въ силу чисто психологической необходимости Дума превращалась во всенародную трибуну гнѣва и негодованія...

Изъ депутатовъ съ территорій Украины противъ адреса возражали Способный, священникъ А. Концевичъ и графъ Потоцкій. Концевичъ и Способный защищали Государственный Совѣтъ, объ уничтоженіи котораго въ его теперешнемъ составѣ говорилось въ адресѣ. Кромѣ того оба эти оратора своими циничными замѣчаніями и безтактными выходками возбудили негодованіе всей палаты. Способный протестовалъ противъ требованія отмены смертной казни. Въ своей

*) Въ комиссію 33-хъ по выработкѣ проекта отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь изъ депутатовъ украинскихъ губерній были избраны слѣдующія лица: Локоть, Мухановъ, Назаренко, Рыжковъ, Шеметь, Шефтель и Щепкинъ. Докладчикомъ комиссіи выступалъ Набоковъ.

рѣчи оль позволяль себѣ заявить слѣдующее: „признаюся, я не вѣрю людямъ, которые говорятъ, что они готовы пожертвовать всѣмъ для отмѣны смертной казни. Я отлично знаю, что они глотаютъ живыхъ устриць, жуютъ кровавые ростбифы въ огромномъ количествѣ“. Понятно, что на подобныя замѣчанія могъ быть отвѣтомъ только *страшный шумъ*, какъ отмѣчаетъ въ этомъ мѣстѣ стенографическій отчетъ... А свящ. Концевичъ проявилъ себя ретивымъ, но недостаточно умнымъ защитникомъ „единой и недѣлимой Россіи“. Когда баллотировался пунктъ адреса объ „удовлетвореніи давно назрѣвшихъ требованій отдѣльныхъ національностей и ихъ справедливыхъ нуждъ“, Концевичъ сдѣлалъ ироническое предложеніе добавить къ этому пункту слова: „чтобы Россія потеряла свое своеобразие (?) и даже *самое свое имя*“. Дума, разумѣется, признала, что подобная поправка даже не можетъ подлежать ея обсужденію. Графъ Потоцкій, какъ мы уже говорили въ прошлой статьѣ, протестовалъ противъ отчужденія помѣщичьихъ земель и брался съ цифрами въ рукахъ доказать, —но даже не пробовалъ доказывать,—что надѣленіе землей крестьянъ Волынской губерніи наполовину уменьшитъ (!) ихъ годовой заработокъ.

Вотъ и всѣ возраженія, сдѣланныя противъ адреса—этой программы либеральныхъ реформъ—депутатами Украины. Они поражаютъ своимъ убожествомъ, своей несерьезностью. И въ то же время тонутъ и теряются въ массѣ горячихъ и искреннихъ, идущихъ отъ самаго сердца, рѣчей совершенно иного характера, пронзенныхъ другими, болѣе достойными представителями Украины. Большинство изъ нихъ, какъ, напримѣръ, красивая рѣчь Щепкина, было посвящено общей защитѣ адреса и проводимыхъ въ немъ демократическихъ началъ. Но были и такія рѣчи, которыя шли дальше адреса и представляли требованія, не упомянутыя въ немъ. Среди нихъ нельзя не отмѣтить рѣчь Н. Н. Миклашевскаго.

Черниговскій депутатъ находитъ громаднй пробѣлъ въ адресѣ. Этотъ пробѣлъ —отсутствіе требованія *немедленнаго суда* надъ правительствомъ, надъ виновниками тѣхъ страшныхъ, вопіющихъ къ небу ужасовъ, которые пережила за послѣдніе мѣсяцы страна. Въ адресѣ сказано лишь *слово* осужденія. Одного слова недостаточно, надо осужденіе настоящимъ судомъ. Страна, какъ кажется Н. Н. Миклашевскому, никогда не проститъ депутатамъ этого умолчанія по поводу фактически осуществляющейся амнистіи надъ виновниками казней и разстрѣловъ. Ту же мысль, но только въ примѣненіи къ отдѣльному частному случаю, высказываетъ П. И. Курilenko, напоминающій о незаконіяхъ сельской администраціи.

Соціалъ-демократъ Михайличенко, описывая страданія рабочихъ и обрушиваясь на имущіе классы, провозноситъ свое обычное „graeterea senso“— „только учредительное собраніе дастъ народу то, что ему нужно“... Т. В. Локоть отрицаетъ за отвѣтнымъ адресомъ то торжественное значеніе акта народной воли, какое стараются придать ему его инициаторы. Это просто программа-минимумъ будущей дѣятельности Думы, извѣстнаго рода компромиссъ между ея партіями. Выраженіе подлинной народной воли носило бы болѣе категорическій, болѣе требовательный характеръ. Ему вовсе не соответствовало бы тотъ земскій либеральный тонъ, въ какомъ написанъ адресъ. То же повторяли и другіе ораторы лѣвой.

Стоило нѣкоторымъ представителямъ консервативной части Думы выступить въ защиту Государственнаго Совѣта, какъ этотъ пунктъ сдѣлался боевымъ лозунгомъ въ рѣчахъ депутатовъ. Съ удивительнымъ единодушіемъ всѣ высказывавшіеся—профессора, интеллигенты, крестьяне—требовали уничтоженія Государственнаго Совѣта, чувствуя въ немъ серьезную угрозу всѣмъ реформаторскимъ начинаніямъ Думы. „Въ новую постройку ставятся гнилыя и старыя бревна, которыя будутъ портить все зданіе“—говорилъ о Г. Совѣтѣ екатеринославскій депутатъ Рыжковъ. „Государственный Совѣтъ,—заявлялъ съ обычнымъ юморомъ А. Ф. Грабовецкій—старый мѣшокъ, въ который вливается новое пиво. Старый мѣшокъ разорвется, и новое пиво изъ него выльется... Онъ составленъ безъ нашего вѣдома, пусть безъ насъ онъ и разоидется“. „Какъ это будетъ такъ, что Дума будетъ думать, — негодовалъ представитель полтавскихъ крестьянъ Онацкій,—а Государственный Совѣтъ въ одну минуту отмѣнить всѣ наши законопроекты? Такъ на что же мы избраны? Государственный Совѣтъ можетъ разѣхаться по домамъ. Если не согласится разѣхаться, то можно дать членамъ денегъ на дорогу“. Къ нему присоединился и представитель харьковскихъ крестьянъ Назаренко.

Такимъ же боевымъ пунктомъ сталъ и вопросъ о полной формулѣ всеобщаго избирательнаго права, которую съ цѣлью объединить всю палату старательно замалчивалъ проектъ адреса. Противъ этого рѣшительно возстали ораторы лѣвой. „За эту формулу люди умирали на баррикадахъ“, говорилъ одинъ изъ лидеровъ трудовой группы. „Дѣло русскаго народа находится въ страшной опасности!“— съ дѣланнымъ и нѣсколько комическимъ паосомъ восклицалъ подольскій депутатъ Заболотный. За полную формулу съ указаніемъ на избирательныя права женщинъ говорили и другіе депутаты—Михайличенко, Тесля, Миклашевскій и Рыжковъ, закончившія свою рѣчь

красивымъ восклицаніемъ: „мы забываемъ, что сынъ рабыни не можетъ быть гражданиномъ!“

М. М. Ковалевскій во время обсужденія отвѣтнаго адреса произнесъ вѣсколько рѣчей-лекцій и внесъ наиболѣе существенныя поправки. Онъ указалъ, что авторы проекта, всѣми силами стараясь лишить значенія Государственный Совѣтъ, упустили изъ виду, что сама Дума—учрежденіе безправное, которое прежде всего нуждается въ расширеніи своихъ правъ. Положеніе о Думѣ не признаетъ за ея членами *законодательной инициативы*. Проекты новыхъ законовъ могутъ быть вносимы лишь думскою комиссіей и то только въ томъ случаѣ, если подлежащій министръ не признаетъ возможнымъ внести свой законопроектъ по затронутому вопросу. Затѣмъ важнѣйшимъ правомъ всякаго парламента является *бюджетное право*. Оно заключается въ томъ, что ни одинъ налогъ, ни одинъ расходъ государственныхъ суммъ не можетъ быть вопируванъ безъ согласія парламента. Парламентъ санкціонируетъ роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ, и если она почему-либо имъ не утверждена,—то взиманіе налоговъ по прежней росписи является незаконнымъ. Наконецъ, верхняя палата не можетъ имѣть права вносить какія-бы то ни было измѣненія въ роспись и вообще въ финансовыя законы, принятые парламентомъ; она можетъ либо отвергнуть, либо цѣлкомъ принять. Поправки М. М. Ковалевскаго о законодательной инициативѣ и бюджетномъ правѣ были приняты Думой.

Кромѣ того М. М. Ковалевскій подробно обосновалъ—и съ теоретической стороны, и путемъ справокъ съ практикой конституціонныхъ государствъ Запада—необходимость отвѣтственности министровъ предъ народными представителями въ интересахъ самой монархіи и личности Монарха, а также недопустимость смѣшенія въ такомъ бюрократическомъ учрежденіи, какъ Государственный Совѣтъ, функций законодательнаго и административнаго характера. Ораторъ—сторонникъ двухпалатной системы, но, во-первыхъ, верхняя палата должна быть обязательно выборной, а, во-вторыхъ, она можетъ имѣть характеръ исключительно законодательной власти, да и то съ ограниченной компетенціей, напримѣръ въ вопросахъ финансовыхъ. Нашъ Государственный Совѣтъ, по мнѣнію М. М. Ковалевскаго, можетъ быть оставленъ исключительно для функций административнаго характера.

Изъ многочисленныхъ поправокъ, предложенныхъ другими депутатами, отмѣтимъ двѣ—принятую Думой поправку Е. Н. Щепкина о необходимости внести начало права и справедливости въ условія

отбыванія воинской повинности, и отвергнутую поправку Е. Г. Шольпа объ увражденіи корпуса жандармовъ *).

Судьба отвѣтнаго адреса, на который возлагалось столько надеждъ, которому придавалось такое значеніе,—извѣстна. 13 мая министерство выступило въ Думѣ со своей деклараціей, явившейся отвѣтомъ на адресъ, въ которой указало, что пожеланія, выставленныя въ адресѣ, недопустимы, что они по прежнему остаются для правящихъ сферъ „безмысленными мечтаніями“. Послѣ ряда возмущенныхъ, горящихъ негодованіемъ рѣчей министерству было выражено Думой недовѣріе... Одной изъ лучшихъ рѣчей по силѣ и неотразимости аргументовъ была рѣчь М. М. Ковалевскаго. Онъ обрушился на заявленіе министровъ, что собственность священна и неприкосновенна, и отчужденіе ея недопустимо: „Это говорятъ министры того государства, которое въ 61 году произвело самый грандіозный актъ выкупа земли въ интересахъ общественной пользы и общественной необходимости... Какъ вы смѣете порицать самый великій актъ русской исторіи—освобожденіе крестьянъ съ землею!“ Е. Н. Щепкинъ доказывалъ, что министерство не знаетъ хорошо даже основныхъ законовъ 23 апрѣля. Н. А. Гредескулъ возражалъ министру юстиціи Щегловитову, видѣвшему въ переживаемомъ положеніи не жесточайшую трагедію, а почти что идиллію: старые законы плохи, они всему помѣха. Министерство сознаетъ ихъ несовершенство и готово вмѣстѣ съ Думой работать надъ выработкою новыхъ. Такую картину рисуетъ г. Щегловитовъ. Гредескулъ противопоставилъ этой идилліи картину величайшей трагедіи, участникомъ которой уже нѣсколько мѣсяцевъ является весь русскій народъ. Сущность этой трагедіи въ томъ, что въ отвѣтъ на стремленіе Россіи къ освобожденію, къ осуществленію манифеста 17 октября противъ народа выдвинута была колоссальная и неслыханная машина беззаконія и произвола...

*) Такимъ образомъ изъ депутатовъ украинскихъ губерній въ преніяхъ по обсужденію отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь участвовали: Способный (Екатеринославъ), Щепкинъ (Одесса), Миклашевскій, Локоть, Куриленко, Шрагъ (черниговск. губ.), Рыжковъ, Михайличенко (екатеринослав. губ.), М. М. Ковалевскій, Назаренко (харьковск. губ.), Яснопольскій, Онацкій, Тесля (полтавск. губ.), Грабовецкій, Шольпъ (кіевской губ.), Заболотный, Стефанюкъ (подольск. губ.), Понятовскій, гр. Потоцкій и свящ. Концевичъ (волинск. губ.). Подольскій крестьянинъ Стефанюкъ произнесъ трогательную по своей наивности и простотѣ рѣчь о землѣ: „меня народъ посылалъ сюда и просилъ крѣпко, даже были такіе, что и плакали, чтобы просить здѣсь и добиваться земли и свободы, воли и образованія“...

Обычныя по своей рѣзкости рѣчи произнесли также 13 мая гг. Михайличенко и Заболотный.

Однимъ изъ первыхъ законопроектовъ былъ внесенъ въ Думу законопроектъ *о неприкосновенности личности*, уже 12 мая подвергнувшійся обсужденію. Впрочемъ, выраженіе *законопроектъ* — не точно. По положенію о Думѣ, за подписью не менѣе 30 членовъ ея можетъ быть внесено заявленіе объ изданіи новаго закона или отміненіи стараго. Это заявленіе сообщается подлежащему министру, и если онъ не внесетъ со своей стороны соотвѣтствующаго законопроекта, то Дума можетъ поручить выработку его особой комиссіи. Такимъ образомъ центръ тяжести законодательной работы переносится въ комиссіи, а первоначальное заявленіе, по буквѣ положенія о Думѣ, должно содержать лишь самыя общія, основныя принципы предлагаемаго проекта. Этимъ объясняется то, что вносимыя въ Думу законодательныя предположенія не вызывали ни подробнаго обсужденія, ни рѣшительныхъ возраженій. Они были изложены въ слишкомъ общихъ, почти что безспорныхъ положеніяхъ, такъ что подробное обсужденіе откладывалось до выработки комиссіей подробнаго законопроекта. Чѣмъ дальше уходила кадетская фракція, являвшаяся лабораторіей законодательныхъ проектовъ, отъ буквы думскаго положенія, чѣмъ подробнѣе и разработаннѣе вносились сразу же законопроекты, тѣмъ больше они возбуждали преній и возраженій, какъ, напримѣръ, законопроектъ о собраніяхъ, обсуждавшійся послѣднимъ (16—20 іюня).

На заявленіе о выработкѣ законопроекта о неприкосновенности личности, по которому докладчикомъ выступилъ Н. И. Новгородцевъ, Дума не потратила много времени и послѣ обстоятельной объяснительной рѣчи Новгородцева и рѣчи вполне присоединившагося къ проекту М. М. Ковалевскаго передала заявленіе для выработки окончательнаго законопроекта въ комиссію 15 *).

Въ еще болѣе общихъ чертахъ было изложено заявленіе о необходимости выработать рядъ законопроектовъ *о гражданскомъ равенствѣ*, подписанное 151 депутатомъ разныхъ партій и внесенное въ Думу 15 мая. Эти законопроекты должны были внести рѣшительный переворотъ въ русскіе законы и отмінить всѣ ограниченія, обусловленныя принадлежностью къ тому или другому сословію,

*) Въ эту комиссію изъ депутатовъ интересующихъ насъ гурьбой вошли П. И. Новгородцевъ, М. М. Ковалевскій и Н. А. Гредескулъ.

религии, національности, а также ограниченія, установленныя для лицъ женскаго пола. Докладчикомъ по заявленію выступалъ Ѳ. Ѳ. Кошкинъ. Изъ украинскихъ депутатовъ въ первоначальномъ обсужденіи привяли участіе М. М. Ковалевскій, Локоть, Рыжковъ и Заболотный. Т. В. Локоть говорилъ о сословной политикѣ государства, которая всею своею тяжестью падала на крестьянъ, и высказывался за полное уничтоженіе сословій. Рыжковъ и Заболотный отстаивали необходимость равноправія для женщинъ и, какъ депутаты черты осѣдлости,—для евреевъ. Думой было избрана комиссія 33-хъ, на которую возложена была выработка ряда законопроектовъ о гражданскомъ равенствѣ *).

18 мая было внесено заявленіе о выработкѣ законопроекта *объ отмианіи смертной казни*. Этотъ коротенькій законопроектъ, состоявшій всего изъ двухъ фразъ и больше другихъ отвѣчавшій единодушному настроенію палаты, вызвалъ горячія и оживленныя пренія—не по существу вопроса, конечно, а на ту тему, какъ добиться утвержденія, осуществленія этого закона. Дума находилась подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ 8 казней въ Ригѣ въ отвѣтъ на ея запросъ о пріостановкѣ этихъ казней. Всѣмъ былъ ясно, что „сферы“ употребятъ все усилія съ цѣлью затормозить утвержденіе законопроекта. Въ рѣчахъ нѣкоторыхъ депутатовъ стали слышаться нотки отчаянія. „Судьба нашего законопроекта сводится къ нулю“ — заявлялъ деп. Локоть, все равно скоро придется пойти на конфликтъ и сказать: „или мы, или этотъ разорившій страну старый режимъ“! Слышались голоса въ пользу того, чтобы Дума сама себя распустила, разъ она безсильна. Депутатъ Заболотный предлагалъ представить законопроектъ непосредственно на утвержденіе Верховной Власти. Инициаторы и авторы законопроекта — криминалисты Набоковъ и Кузьминъ-Караваевъ, а равнымъ образомъ лидеры кадетовъ, горячо протестовали противъ подобной неустойчивости въ настроеніи депутатовъ, противъ всякихъ *отклоненій въ сторону отъ разъ принятаго* пути законодательнаго творчества.

Они горячо возражали противъ предложеній ораторовъ лѣвой—немедленно, не передавая вопросъ въ комиссію, не извѣщая министровъ, въ этомъ же засѣданіи Думы постановить отмѣну смертной казни. Это будетъ не законъ, прошедшій все стадіи законодательнаго процесса,—говорили они,—а ни для кого не обязательная резолю-

*) Въ эту комиссію между прочимъ вошли П. И. Новгородцевъ, М. М. Ковалевскій, Н. Н. Ковалевскій, Е. Г. Шольцъ, Г. В. Юдлосъ, В. М. Шеметъ и С. М. Рыжковъ.

ція собранія. Прекрасную рѣчь противъ излишней торопливости произнесъ Н. А. Гредескулъ: „Мы не должны уходить съ нашихъ мѣстъ раньше, чѣмъ исчерпаемъ всѣ ресурсы, которые находятся въ нашемъ распоряженіи. Нами дѣлались заявленія,—они отвергнуты. Теперь мы должны двинуть въ ходъ нашъ законодательный аппаратъ, и если и онъ окажется безсильнымъ, то мы будемъ вправѣ сказать народу, что мы до конца исчерпали все, что у насъ было, и что мы должны покинуть то мѣсто, которое занимаемъ“. М. М. Ковалевскій высказалъ увѣренность, что въ числѣ членовъ Государственнаго Совѣта „не найдется большинства, которое высказалось бы за удержаніе этой чудовищной, противорѣчащей нашему сознанію казни“. Вопросъ былъ переданъ въ комиссію 15-ти („о неприкосновенности личности“) съ предложеніемъ въ пятидневный срокъ представить готовый законопроектъ.

Этимъ однако дѣло не кончилось. 26 мая, когда было назначено окончательное слушаніе законопроекта объ отмѣнѣ смертной казни, въ Думу поступили заявленія отъ министровъ юстиціи, военнаго и морского, настаивавшихъ на мѣсячномъ срокѣ (согласно ст. 56 учрежд. Госуд. Думы) для окончательнаго обсужденія законопроекта, такъ какъ затронутый Думой вопросъ представляется министрамъ „въ высшей степени сложнымъ“. Министерство, такимъ образомъ, употребляло всѣ усилія, чтобы тормозить законодательную работу Думы и этимъ вызвало новый взрывъ негодованія среди депутатовъ. Ка-деты предлагали не сходить съ законной почвы и, объявивъ дальнѣйшее исполненіе смертныхъ приговоровъ не актомъ правосудія, а простымъ убійствомъ, отложить на мѣсяць слушаніе законопроекта. Депутатъ Локоть отъ имени трудовой группы внесъ резолюцію, требующую немедленнаго слушанія законопроекта. Михайличенко по обыкновенію предлагалъ выработанные законы адресовать не министерству и Госуд. Совѣту, а „всему народу“, который якобы сумѣетъ ихъ осуществить, и апеллировалъ къ учредительному собранію. А. Ф. Грабовецкій присоединялся къ тѣмъ, которые совѣтовали не спѣшить и вести дѣло въ законныхъ рамкахъ: „если такъ спѣшить и такъ остро требовать, то, пожалуй, ничего добраго не выйде, а гирше буде“. Дума большинствомъ голосовъ рѣшила отложить слушаніе законопроекта до истеченія мѣсячнаго срока со дня подачи заявленія.

И только 19 іюня послѣ извѣстнаго инцидента съ генераломъ Павловымъ, которому не дали говорить и заставили удалиться изъ залы, послѣ безтактной и вызывающей рѣчи министра юстиціи, не соглашавшагося на отмѣну смертной казни, рѣчи, вызвавшей въ свою

очередь негодование палаты и горячую отвѣдь со стороны Набокова, Кузьмина-Караваева и друг., только послѣ всего этого законъ объ отмѣнѣ смертной казни былъ принятъ Думой и долженъ былъ поступить на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта.

16 іюня началось предварительное обсужденіе въ Думѣ законопроекта *о свободѣ собраний*, который былъ приложенъ вмѣстѣ съ объяснительной запиской къ заявленію 33-хъ депутатовъ-кадетовъ. Этотъ проектъ, наиболѣе разработанный сравнительно съ другими, ранѣе внесенными, встрѣтилъ серіозныя возраженія и суровую критику со стороны социаль-демократической фракціи и трудовой группы. Ораторы лѣвой протестовали противъ всякой регламентаціи собраний, находя ее стѣснительной особенно для трудящихся классовъ и направленной главнымъ образомъ противъ ихъ интересовъ. Проектъ кадетовъ, какъ извѣстно, требовалъ увѣдомленія за 24 часа до созыва собранія начальника мѣстной полиціи, воспрещалъ собранія подъ открытымъ небомъ въ разстояніи одной версты отъ мѣстопребыванія Государя и отъ мѣста засѣданій Государственной Думы, а также всякія собранія на полотнѣ желѣзной дороги, допускалъ собранія на улицахъ и площадяхъ лишь постольку, „поскольку они не препятствуютъ свободному уличному движенію“, и наконецъ представлялъ право полицейскому чиновнику закрывать собраніе, „если оно приметъ характеръ, непосредственно угрожающій общественной безопасности“. Всѣ эти пункты, а особенно туманные и расплывчатые термины: „поскольку они не препятствуютъ уличному движенію“, „характеръ, угрожающій общественной безопасности“ и т. п., противники проекта находили совершенно недопустимыми. Подобнаго рода параграфы закона носятъ печать все того же полицейскаго режима, они даютъ въ руки администраціи сильное оружіе все той же полицейской опеки, могущей по своему единоличному усмотрѣнію не допускать и разгонять собранія. Совершенно неожиданно къ противникамъ кадетскаго законопроекта присоединился М. М. Ковалевскій. Онъ высказался противъ регламентаціи собраний и привелъ въ образецъ англо-американскую систему, по коей право идти куда угодно, собираться и говорить о чемъ угодно присвоено само собою каждому гражданину. М. М. Ковалевскій протестовалъ также противъ предлагаемаго проектомъ способа прекращать собранія. Полицейскій чиновникъ долженъ обращаться не ко всему собранію, а къ его бюро, президіуму, т. е. предсѣдателю, его товарищамъ и секретарю, какъ это принято во Франціи. Вообще почтенный оппонентъ находилъ проектъ неудачнымъ и высказывался противъ передачи его въ комиссію. Изъ другихъ депутатовъ украинскихъ губерній въ преніяхъ

по этому поводу принимали участіе Куриленко и Гредескулъ. Куриленко также находилъ, что проектъ даетъ большой просторъ усмотрѣнію полиціи. Кто будетъ опредѣлять, „мирно“ или же „не мирно“ (§ 1 проекта) соберутся граждане? Опять таки та же полиція. Затѣмъ ораторъ протестовалъ противъ ограниченія собраній на улицахъ и площадяхъ, а также противъ огульнаго права полиціи удалять участниковъ закрытаго собранія силой, если они не захотятъ разойтись добровольно (§ 11 проекта). Силою можно удалять, по мнѣнію депутата, только тѣхъ лицъ, которыя начали бы производить буйство или насиліе, а не всѣхъ вообще участниковъ собранія.

Н. А. Гредескулъ произнесъ обширную рѣчь въ защиту проекта. Онъ прежде всего вообще отстаивалъ необходимость регламентаціи, необходимость оградить общество, общественные интересы отъ ущерба, какой могутъ нанести отдѣльные граждане, пользуясь предоставленной имъ свободой. Затѣмъ онъ просилъ палату имѣть въ виду, что проектъ разчитанъ не на теперешнюю администрацію и полицію, которая, разумѣется, можетъ проявлять свой деспотизмъ при какомъ угодно законѣ, а на обновленную. Предлагаемый законъ будетъ дѣйствовать при новыхъ порядкахъ и при новыхъ людяхъ. Въ дальнѣйшей части своей рѣчи Н. А. Гредескулъ защищалъ каждое въ отдѣльности ограниченіе, предлагаемое проектомъ. — Въ результатѣ преній Дума большинствомъ противъ социаль-демократовъ и трудовиковъ постановила передать законопроектъ для окончательной разработкы въ особо избранную комиссію изъ 11 депутатовъ *).

Если мы ко всему сказанному прибавимъ принятый Думой 25 іюня законопроектъ объ ассигнованіи 15 милліоновъ на продовольственную помощь голодающимъ **), затѣмъ законодательныя предложенія, которыя Дума не успѣла подвергнуть окончательному обсу-

*) Въ эту комиссію вошли изъ депутатовъ украинскихъ губерній только М. М. Ковалевскій и И. Л. Шрагъ.

**) Въ обсужденіи этого вопроса принимали участіе между прочимъ Г. В. Юлосъ, П. И. Чижевскій и Т. В. Локоть, давшій общую характеристику финансовой политики самодержавія. Для предварительнаго обсужденія финансовыхъ вопросовъ Думой было избрано 3 комиссіи съ 33 членами въ каждой: *финансовая*, куда между прочимъ изъ украинскихъ депутатовъ входили: Мухановъ, Имшенецкій, Радаковъ, Присецкій, Парамоновъ, Рыжковъ, Свѣчинъ, Локоть, Юлосъ, Куриленко и Возовикъ, *бюджетная* — Яснопольскій, Н. Н. Ковалевскій, Чижевскій, Шольбъ, Горшковъ, Червонецкисъ, Локоть, Куриленко, Байдакъ и за отказомъ Муханова—Юлосъ и, наконецъ, комиссія *по вытоленію росписи*, куда изъ украинскихъ депутатовъ входили только Деларю и Тесля.

жденію—объ измѣненіи нѣкоторыхъ статей положенія о Думѣ и затѣмъ о болѣе полной неприкосновенности членовъ Думы, — то мы исчерпаемъ всю законодательную работу Думы. Нельзя не признать, что подведенные въ этой области итоги даютъ довольно скромную величину. Одно только ассигнованіе 15 милліоновъ успѣло пройти всѣ инстанціи и получить силу закона; изъ остальныхъ законопроектовъ только отмѣна смертной казни была окончательно принята Думой. Всѣ же прочіе законопроекты находились пока въ стадіи окончательной разработки въ комиссіяхъ.

Всякому ясны причины этой сравнительно слабой законодательной продуктивности Думы. Прежде всего — ея законодательная работа основными законами была поставлена въ узкія рамки и невыносимо тяжелыя условія (вспомнимъ судьбу законопроекта объ отмѣнѣ смертной казни). А затѣмъ и самое главное—энергія Думы уходила на борьбу съ безответственнымъ министерствомъ. Между политикой этого министерства и программой думскаго большинства лежала непереходимая пропасть. Дума стремилась дать Россіи свободную жизнь и покончить съ произволомъ, а министерство по прежнему терзало страну азіатскимъ деспотизмомъ и угнетало ее беззаконіемъ. И вотъ бессильная съ формальной стороны Дума вступаетъ въ борьбу съ всеильнымъ министерствомъ. Какъ нервный центръ, Дума вздрагивала и судорожно реагировала всякій разъ, когда на периферіи огромнаго организма—„на мѣстахъ“—лилась кровь, гремѣли выстрѣлы, совершались казни или умирали отъ голодовки политическіе. А это было такъ часто...

„Мы не виноваты, что приходится дѣйствовать съ несовершенными законами“,—заявлялъ въ Думѣ Столыпинъ. „Ваше дѣло—выработать новые. Часовой не можетъ бросить свое ружье только потому, что оно кремневое, а другого еще ему не дали. Онъ будетъ защищаться временно хотя бы кремневымъ“. Мы знаемъ, сколько лицемѣрія было въ этихъ словахъ. Министерство сдѣлало все, чтобы затормозить законодательную работу Думы, чтобы въ его рукахъ возможно дольше оставалось это „кремневое ружье“, которое такъ удобно для того, чтобы съ его помощью провявить всю полноту произвола и беззаконія.

Обозрѣватель.

Рік видання перший

ГРОМАДСЬКА ДУМКА

газета політична, економічна і літературна, виходить у Києві щодня, окрім понеділків.

ГРОМАДСЬКА ДУМКА дає щоденний огляд життя політичного, громадського, економічного і літературного на Україні, в Росії й по чужих землях; звістки про всякі світові події, цікаві нашим людям; поезії та оповідання, наукові фельєтони і т. д.

Співробітники „Громадської Думки“: проф. Антонович В., Балабуха С., Бондаренко Ів., Боржковський В., Василенко М., Верзілов А., Винниченко Вол., Волох С., Вороний М., Ганейзер Е., Гнатюк В., Грінченко Б., Грінченко М. (Загірня), Григоренко Гр., проф. М. Грушевський, Грушевський Ол., Дмитрієв М., Дніпрова-Чайка, Доманицький В., Дорошенко В., Дорошенко Д., Єфремов С., Жебуньов Л., Житецький П., Квасницький є., Квітка К., Коваленко Гр., Козловський В., Комаров М., Комарова Г., Конощенко А., пр.-доц. Корчак-Чепурковський А., Коцюбинський М., Кошовий В., проф. Кримський А., Левіцький М., Леонтович В., Лина Ів., Липковський С., Лисеико М., Лісовський Ол., Лозинський М., Лотоцький Ол., Маковей О., Маркович Д., Матушевський Ф., Мирний Ц., Мировець В., Науменко В., Падалка Л., проф. Перетц В., проф. А. Погодин, Русова С., Русов О., Самійленко В., Сивенький, Славінський М., Сластьон О., Смуток П., Гр. Сьогобочній, Степаненко В., Тимченко є., Туган-Барановський М., Франко Ів., Чернявський М., Чикаленко є., Шраг І., Яновська Л., Ярошевський В., та інші.

Ціна газеті **Громадська Думка** на рік 4 карб., на пів року 2 карб. на 3 місяці 1 карб., на 1 місяць 50 коп. з пересилкою. За кордон на рік 9 карб., на пів року 4 карб. 50 коп. Адреса редакції і головної контори **Громадської Думки**—у Києві, Михайлівська у., ч. 10. Телефон 1458. Предплачувати „Гр. Д“ і „Нов Гр.“ можна також в книгарні „Кіевской Старини“ у Києві, Везаківська ул., ч. 14, у Львові можна предплачувати в Книгарні Наукового Товариства ім. Шевченка, ул. Театральна, ч. 1.

Редактор *Федір Матушевський*. Видавець *Євген Чикаленко*.

НОВА ГРОМАДА

літературно-науковий місячник, виходить з Явваря року 1906.

НОВА ГРОМАДА містить твори красного письменства (поезії, оповідання, повісті, драматичні твори), наукові й публіцистичні статі, огляди політичного і громадського життя на Україні й по-за її межами і т. д.; виходить що-місяця книжками по 10 аркушів друку.

Ціна з пересилкою на рік 6 карб.; за кордон—8 карб. 50 коп.; окремо книжка коштує 75 коп.

Адреса редакції „Нова Громада“—у Києві, Михайлівська ул., ч. 10. Телефон 1458.

Редактор *Сергій Єфремов*. Видавець *Євген Чикаленко*.

Передплата на 1906 рік.

Рідний Край

Часопись політична, економічна, літературна і наукова.

виходить в 1906 році раз на тиждень, в форматі тижневих журналів по 16—20 сторін.

У часописі заведені ось які відділи:

1. Що потрібно для нашого народу, особливо для селян хліборобів і всіх трудящих людей.
2. Що діється на Україні, також в Галичині й на Буковині.
3. Що діється в цілій Росії. Звістки з столиць.
4. Що діється по чужих землях, що єсть там доброго, що й нам би годилося.
5. Звістки й листи з городів і сел (про земства, товариства про все що діється доброго і лихого).
6. Наукові статті і звістки (історія, література, медицина, ветеринарія, сільське хазяйство, промисли: і т. д.)
7. Оповідання, вірші, фельетон.
8. Дрібні звістки (про заробітки торги, ціни і т. д.),
9. Бібліографія.—Запитання читателів і відповіді редакції про всякі діла: судові, хазяйські та иньші.
10. Оповістки усякі.

Передплата за часопись на рік 3 карбованці, на місяць 35 коп. з пересилкою, окремі числа по 8 коп., додатки по 3 коп. безь пересилки. За кордон на рік 5 карб. Окремі числа за кордоном по 10 коп.; на вокзалах залізниць теж по 10 коп.

Книгарям комісійних за передплату на рік 5⁰/о. За продаж окремих №№—25⁰/о, за кордоном 30⁰/о.

Листи і гроші засилати треба під адресою: Полтава, Протопоповська ул., д. Оксюза, № 41, (биля пошти) до редакції часописі „РІДНИЙ КРАЙ“.

Просимо усіх прихильників і читателів наших надсилати нам звістки про діяльність земств, городських дум, усяких товариств і організацій, звістки про постанови сільських і волостнихъ сходів, селянських спілок і иньші новини.

Редактори одвічальні: } М. Дмитрів.
Гр. Коваленко.

Видає Гр. Маркевич.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на ежедневную литературно-политическую, экономическую и общественную газету

„Кіевскіе Отголоски Жизни“.

Подписная цѣна:

- На годъ. на 8 м. на 7 м. на 6 м. на 3 м. на 2 м. на 1 м.
1) Съ дост. и перес. 8 р. 6 р. 5 р. 25 к. 4 р. 50 к. 2 р. 50 к. 1 р. 75 к. —р. 90 к.
2) За границу . . 17 р. 12 р. 9 р. —к. 8 р. 50 к. 4 р. 75 к. 3 р. 25 к. 1 р. 65 к.

Отдѣльные номера продаются по 5 коп.

При непосредственномъ обращеніи въ главную контору г.г. студенты и учащіеся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, а также учителя народныхъ училищъ, лица сельскаго духовенства, крестьяне и рабочіе уплачиваютъ за газету 75 коп. въ мѣсяцъ.

Для г.г. подписчиковъ, затрудняющихся единовременнымъ взносомъ годовой платы, допускается разсрочка для иногороднихъ и городскихъ съ доставкой: по 1 руб. въ теченіе первыхъ 8 мѣс., или при подпискѣ—3 р., къ 1 Мая—3 р. и къ 1 Сентября—2 руб. За перемѣну адреса 40 коп. При перемѣнѣ адреса необходимо указать свой прежній адресъ.

Подписка принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Адресъ главной конторы и редакціи Кіевъ, Прорѣзная ул. (уголъ Музыкальнаго переулка) № 4. Телефонъ № 589.

Продолжается подписка на 1906 годъ

НА

„ВОЛЫНЬ“

газету политическую, литературную и обществен. жизни

(28-й годъ изданія).

„ВОЛЫНЬ“ выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣ-
праздничныхъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой

На 12 м.—7 р., на 6 м.—4 р., на 3 м.—2 р. 30 к., на 1 м.—85 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

въ конторѣ „ВОЛЫНИ“, въ г. Житомирѣ (уг. Михайловской и Б.-Бердичевской, д. О-ва Взаимнаго кредита).

Редакторъ Т. Коробицкій.

Редакторъ-Издатель Е. Щербицкій.